

Алексей В. Фомин
Доказательства существования
жизни после смерти

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7123007*

*Доказательства существования жизни после смерти./ Составитель Фомин А. В.: Новая мысль;
Москва, 2013
ISBN 978-5-902716-13-6*

Аннотация

Какими бы удивительными ни показались читателю рассуждения и невероятными факты, изложенные в данной книге, мы надеемся, что именно их соединение в единое целое приведет всякого непредубежденного человека к внутреннему сознанию существования духовного мира, поможет ощутить реальность бессмертия души и задуматься о земной жизни, смыслом которой является переход души в вечность. Издание рассчитано на массового читателя.

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 13-307-1536

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	7
Думает ли наш мозг?	7
Удивительные рассуждения о мозге	11
Зависят ли психические явления от физических?	14
Главный вопрос мировоззрения	17
В объективе – отлетающая душа	34
Глава 2	39
Частица вечности	39
Случаи из практики профессора Гнездилова	44
Загробная жизнь есть!	45
Жизнь после смерти	48
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Составитель Алексей Фомин

Доказательства существования жизни после смерти

Предисловие

«У каждого из нас есть неоспоримое представление, что общая сумма его собственных переживаний и воспоминаний образует некоторую единицу, ясно отличающуюся от такой же единицы любого другого человека. Он ссылается на нее, как на свое «я». Что же такое это «я»?

Если вы будете пристально анализировать это «я», то, я думаю, вы придете к заключению, что оно представляет собой все же нечто большее, чем простой набор отдельных восприятий и воспоминаний, и служит именно той канвой, на которой они накапливаются. При внимательном самонаблюдении вы неминуемо придете к выводу, что то, что вы реально принимали за «я», – это и есть основа, на которой собираются все эти переживания. Вы можете уехать в другую страну, перестать видеть всех своих друзей, можете почти забыть их; вы приобретете новых друзей, будете интенсивно участвовать в общей жизни с ними, как когда-то со старыми. Все менее и менее важным будет для вас то, что вы, живя новой жизнью, продолжаете еще вспоминать старую. Вы, может быть, скажете о своем прошлом в третьем лице: «юноша, которым я был». Герой читаемого вами романа может стать ближе вашему сердцу и значительно более живым и знакомым, чем этот юноша. Однако здесь не было промежуточного перелома, не было смерти. И даже если искусный гипнотизер сумеет совсем вычеркнуть из вашего сознания все ваши ранние воспоминания, то и тогда вы не будете считать, что он убил вас. Ни в каком случае здесь нет потери личного существования, которую надо оплакивать. И никогда не будет!» – писал в своей книге «Основана ли жизнь на законах физики?» лауреат Нобелевской премии по физике, основоположник квантовой теории, профессор Дублинского исследовательского института Эрвин Шредингер.

Мы разделяем мир на видимый и невидимый, или, как более понятно для нас, на материальный и духовный. В нашем материальном мире много невидимого. Невидим воздух, невидим звук, невидим магнетизм, электрический заряд и т. д. Среди так называемых электромагнитных волн лишь очень небольшая часть принадлежит видимому спектру. Но вот, например, ультрафиолетовые лучи невидимы, а мы можем заметить их на фотобумаге, которую они чернят. Невидимы радиоволны, но они улавливаются приемником. Невидимы рентгеновские лучи, но на флуоресцирующем экране они обнаруживаются.

Все вышеперечисленное обнаруживается и познается физическими или химическими средствами и относится нами к миру видимому.

Но, кроме него, есть иной мир, мир невидимый. Его Господь Бог создал прежде видимого мира. Это мир духов, или мир Ангелов.

Человек никакими физическими средствами, никаким способом принципиально не может обнаружить существование духа. Но тем не менее духи существуют, и они могут быть даже видимы человеком в том или ином виде по особому Божию промыслу, иногда и по воле этих духов, если Бог разрешит им явиться. Но и будучи невидимыми, они воздействуют на человека, наводя на него те или иные мысли, которые человек может принять или отвергнуть.

Мир, в котором мы существуем, конечен и несамостоятелен. В мире все ограничено, ничто в мире не может быть объяснено из самого себя. Законы природы ограничивают мир в

его свободе. Более того, мир ограничен даже во времени и пространстве. Современная наука доказала, что мир имел начало во времени и что есть определенное время, более которого мир не мог существовать. Расстояние между двумя любыми точками мира всегда конечно. Поэтому мир нуждается как в первопричине своего бытия, так и в силе, поддерживающей и сохраняющей его в бытии, – иными словами, нуждается в Творце и Промыслителе.

Православное учение о творении говорит, что Один Бог – нетварен и существует вечно, а все остальное было Им сотворено. «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1, 1). «Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое» (Кол. 1, 16).

Сущность христианского учения о происхождении мира состоит в том, что Бог создал мир из ничего. Иначе говоря, произвел все существующее через творение. В строго богословском смысле творить означает создавать из ничего; давать существование тому, что раньше не существовало; или, как говорится в Литургии святителя Иоанна Златоуста: «приводить из небытия в бытие». Бог для сотворения мира не нуждался в исходном материале. Святитель Василий Великий пишет: «Бог, прежде чем существовало что-либо из видимого ныне, положил в уме и подвигся привести в бытие несущее, а вместе с тем Он помыслил и о том, каким должен быть мир, и произвел материю, соответственную форме мира». Таким образом, Бог является Творцом мира не только по форме, но и по веществу.

Согласно повествованию первой и второй глав книги Бытия, природа человека двусоставна. Сотворив тело человека, Бог «вдунул в лице его дыхание жизни» (Быт. 2, 7). По учению Церкви, душа и тело в человеке возникают одновременно, это справедливо и в отношении первого человека.

Таким образом, нетварная Божественная сила укоренена в самом акте сотворения человеческой природы, которая, по замыслу Творца, изначально заключает в себе Божественную благодать. Поэтому для человека естественно пребывать в облагодатствованном состоянии и, напротив, состояние безблагодатное противоестественно для человека.

Так что же такое душа?

Душа не есть что-то материальное, вещественное, видимое. Это совокупность всех наших чувств, мыслей, желаний, стремлений, порывов сердца, нашего разума, сознания, свободной воли, нашей совести, дара веры в Бога. Все это составляет душу человека. Она бессмертна – бессмертна по благодати и предопределению Божию. Душа – это бесценный дар Божий, полученный от Бога исключительно по любви Его к людям. Если бы человек и не знал из Священного Писания, что, кроме тела, он имеет еще душу, то при одном уже только внимательном отношении к себе и окружающему миру он мог бы понять, что присущие только ему разум, сознание, совесть, вера в Бога, все то, что отличает его от животного, составляет его душу.

Это его душа, которая Советом Божественной Мудрости живет и будет жить в нескончаемой вечности, если будет предана Богу.

Нередко в жизни наблюдается, что люди здоровые и обеспеченные не могут найти полного удовлетворения в жизни и, наоборот, люди, изможденные болезнями, полны благодушия и внутренней духовной радости. Эти наблюдения говорят нам о том, что, кроме тела, в каждом человеке есть душа. И душа и тело живут своими жизнями. Душа не независимое или самоуправляемое существо, но именно тварь, и даже своим бытием она обязана Богу, Творцу. Соответственно, она может быть бессмертной не по природе, т. е. сама по себе, но лишь по Божьей воле, т. е. по благодати.

Бессмертие души человеческой состоит в том, что она, после смерти тела, будет продолжать свое существование за гробом как существо личное, обладающее самосознанием, помнящее о прошлой жизни. Одним словом, загробная жизнь будет продолжением земной, только в другой форме и в других условиях, хотя и без утраты самосознания и личности – коренных основ бытия человека. Непрерывность и торжество личного бытия человека – вот

его истинное бессмертие. Смерть не прерывает существования человека, а только видоизменяет его.

Главное назначение книги состоит в том, чтобы убедить читателя в той истине, что человек имеет душу как разумную, свободную, бессмертную, духовную сущность, наделенную такими дивными свойствами, что они ясно и неотразимо свидетельствуют о ее богоподобии.

Конечно, это не доказательства в строгом смысле этого слова, но это то, что заменяет их в известной степени, или, во всяком случае, это то, что приводит всякого непредубежденного человека к внутреннему сознанию необходимости бытия Божия и духовного мира вообще.

Цель настоящей книги – противодействовать злему духу нашего времени, который проповедует безбожие, грубый материализм и бесчестие.

Если по прочтении этой книги читатель приобретет живое, глубокое, сердечное убеждение в бытии духовного мира, если, благодаря нашей книге, он придет к более истинному, более радостному воззрению на мир и жизнь человека, которая вся проходит под воздействием божественного Промысла, если он из нашей книги почерпнет иное направление, вносящее в сферу мышления свет истинного знания, в сердце – мир и радость при представлении будущей посмертной жизни человека во свете блаженства со Христом, направление, согласное с учением Православной Церкви и таким образом прямо противоположное гибельному и разрушительному духу нашего времени – то мы достигнем намеченной цели.

Глава 1

Несколько естественнонаучных фактов и соображений

Думает ли наш мозг?

*Слышал я истину бывалу,
Что лоб широк, да мозгу мало...*

А.С. Пушкин

Выражение «мысли витают в воздухе» мы привыкли считать метафорой. Но в последнее время стали появляться сообщения, что мысль действительно способна существовать вне нашего тела. Посмотрим, что по этому поводу говорит наука.

Мы живем в скафандре

Согласно широко распространенной гипотезе, мозг и есть, по сути, homo sapiens. Он воспринимает информацию из окружающего мира, перерабатывает ее и решает, как действовать в каждом конкретном случае. А тело – не более чем скафандр, обеспечивающий центральную нервную систему. Так, «пламенный мотор» – сердце – доставляет током крови необходимый для нашего биокомпьютера живительный кислород, желудок – питательные вещества, руки и ноги необходимы для добывания и приготовления пищи. Кожа предохраняет внутренние органы от внешних воздействий. Мозг руководит всеми этими процессами, прилагая немалые усилия, чтобы организм функционировал эффективно. Кроме того, он постоянно просчитывает возможные варианты в последовательности событий и способы реагирования на них.

Предполагается, что отвечает за всю эту сложную работу не кора головного мозга, а так называемая подкорка.

Вероятно, здесь происходят химические реакции и информационно-энергетический обмен между нервными клетками. Окончательный результат этого сложного процесса поступает в кору головного мозга в виде зрительных образов – мыслей.

Таким образом, головной мозг, имеющий форму сплющенного яйца и весящий в среднем около 1400 г, является точным координатором и механизмом управления организмом. Возможности его огромны. По мнению отдельных исследователей, центр человеческого ума может хранить в своей памяти столько же информации, сколько включает в себя два миллиона книг среднего размера. Другие специалисты считают, что там может храниться до 15 триллионов (число с 12 нулями) отдельных данных.

Вот лишь несколько показательных примеров феноменальной возможности памяти. Персидский царь Кир знал по имени всех солдат своего довольно крупного войска, а греческий деятель Фемистокл – каждого из двадцати тысяч жителей Афин! Неаполитанец Арлини мог без остановки прочитать 15350 стихов из Данте. Известный французский политический деятель Л.М. Гамбетта по памяти читал все произведения Виктора Гюго, в том числе и в обратном порядке.

А вот еще любопытные факты. Академик А. Иоффе пользовался таблицей логарифмов по памяти. Пианист и композитор С. Рахманинов мог один только раз прослушать любой фортепьянный концерт, чтобы сыграть его потом так, будто он тщательно готовился к его исполнению. Французскому художнику Гюставу Доре однажды заказали копию фотографии одного из альпийских лугов. Доре ушел, забыв ее у заказчика. Но на другой день он принес готовый рисунок – точную копию, сделанную по памяти.

Человеческий мозг растет до 15 лет и наиболее эффективно функционирует в возрасте от 15 до 25 лет. Обычно до 45 лет работа его остается на прежнем уровне, а затем начинает ослабевать. Подсчитано, что мозг содержит три четверти нервных клеток всего организма человека. В начале жизненного пути *homo sapiens*'а его капитал составляет 14 миллиардов нервных клеток, а к старости только 10 миллиардов. К сожалению, все имеет свое начало и конец.

Для чего нужен мозг?

Однако есть ученые, считающие, что наш мозг не способен мыслить, так как психический процесс вынесен за его пределы. В этом, например, был убежден крупнейший ученый-хирург, доктор медицинских наук, профессор, лауреат Сталинской премии I степени и одновременно архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (В.Ф. Войно-Ясенецкий, канонизирован в 1996 году). Свои мысли по данному вопросу Валентин Феликсович изложил в работе, не предназначенной для печати, – «О духе, душе и теле». Он надиктовал ее своей секретарше, так как к тому времени уже полностью потерял зрение. Женщина сняла с рукописи несколько копий, и одна из них попала в рукописный отдел библиотеки Музея истории религии и атеизма в Ленинграде. Но широкая общественность познакомилась с работой В.Ф. Войно-Ясенецкого только спустя почти двадцать лет после его смерти. Умер он 11 июня 1961 года. В нарушение всех норм авторского права его работа была издана за рубежом. В 1978 году в Брюсселе на прилавках магазинов появилась книга под названием «Дух, душа, тело», автором которой был архиепископ Лука.

В этой книге Валентин Феликсович утверждает, что «мозг не орган мысли, чувств, сознания, но он то, что приковывает сознание, чувства, мысли к действительности жизни», что «Дух выступает за пределы мозга, определяя его деятельность и все наше бытие», когда мозг работает как коммутатор, принимая сигналы и передавая их к «абонентам».

К слову, однажды, как свидетельствует молва, отец всех народов Иосиф Виссарионович Сталин вызвал к себе В.Ф. Войно-Ясенецкого и с издевкой спросил:

- Неужели знаменитый врач верит в существование души?
- Верю, – ответил хирург.
- Диктатор вновь язвительно «уколол» собеседника:
- Вы нашли ее в теле человека во время многочисленных операций?
- Нет, – заметил ученый.
- Так как же можно верить, что душа существует?

– Иосиф Виссарионович, а можно задать вам встречный вопрос? – спросил архиепископ Лука.

- Конечно.
- Верите ли вы, что у человека есть совесть?

Сталин некоторое время молчал, а затем изрек:

- Верю.

– Скажу с предельной откровенностью, в телах оперируемых больных я совести тоже не обнаружил.

Подобную точку зрения, что и архиепископ Лука, высказал позже выдающийся австралийский нейрофизиолог, исследовавший ионные механизмы возбуждения и торможения в мембранах нейронов, лауреат Нобелевской премии Эклс Джон Кэрю. По его мнению, существует дух, «витающий» вне мозгового субстрата и управляющий деятельностью мозга человека. На XVI Всемирном философском конгрессе, который проходил в 1978 году в Дюссельдорфе и собрал более полутора тысяч ученых из шестидесяти стран мира, чтобы обсудить взаимосвязь философии с мировоззренческими вопросами современной науки, он выступил с докладом. В своем выступлении он развил идеи своего кумира, английского невролога Чарльза Скотта Шеррингтона, о том, что механизмы деятельности мозга приводит в действие некий «психический принцип», который находится вне человека. Любопытно, что такое заключение Шеррингтона старейшина мировой физиологии академик Иван Петрович Павлов назвал «чрезвычайно странным». Он поражался, как «невролог, всю жизнь проевший зубы на этом деле... не уверен, имеет ли мозг какое-нибудь отношение к уму». Ивана Петровича особо удивило сомнение английского ученого в необходимости познать тайну мозга и страх, что проникновение в них может привести к гибели *homo sapiens*'а.

По глубокому убеждению Эклса, сознание есть абстракция, которая не может быть предметом научного исследования. Появление его, также как и возникновение жизни, является высшей религиозной тайной. В своем докладе нобелевский лауреат опирался на написанную совместно с американским философом-социологом Карлом Поппером книгу «Личность и мозг».

Возникает вопрос: имеются ли какие-либо доказательства того, что тело человека, лишенное головного мозга, действовало разумно, будучи управляемым душой? Оказывается, они есть!

В 1940 году доктор Августин Итуррича сделал сенсационное заявление в Антропологическом обществе в Сукре (Боливия). Он и доктор Ортиз долго изучали историю болезни четырнадцатилетнего мальчика, пациента из клиники доктора Ортиза. Подросток находился там с диагнозом опухоль мозга. Юноша пребывал в полном рассудке и сохранял сознание до самой кончины, жаловался только на головную боль. Когда патологоанатомы произвели вскрытие, оказалось, что мозговая масса полностью отделена от внутренней полости черепной коробки. Большой нарыв захватил мозжечок и часть головного мозга. Врачи были изумлены: чем же думал мальчик?

Немецкий исследователь Хуфланд столкнулся с еще более невероятным фактом. Он вскрыл черепную коробку человека, которого разбил паралич. И в буквальном смысле слова потерял дар речи. Вместо мозга он обнаружил там 11 унций (29,8 г) воды! Между тем, больной до самой своей кончины сохранял все умственные и физические способности.

Наконец, гипотезу о том, что сознание существует независимо от мозга, подтверждают и исследования, проведенные недавно голландскими физиологами под руководством Пима ван Ломмеля. Результаты широкомасштабного эксперимента были опубликованы в авторитетнейшем английском журнале «The Lancet». Вердикт ученых граничит с фантастикой: они утверждают, что имеют неопровержимые доказательства, что сознание существует даже после того, как мозг перестал функционировать. Иными словами, сознание «живет» само по себе, абсолютно самостоятельно. Что же касается головного мозга, то это вовсе не мыслящая материя, а орган, как и любой другой, выполняющий строго определенные функции. Очень может быть, мыслящей материи, даже в принципе, не существует, заявил ван Ломмель.

К таким же выводам, но несколько раньше, пришли английские исследователи Питер Фенвик из Лондонского института психиатрии и Сэм Парния из Центральной клиники Саутгемптона. Они обследовали пациентов, возвратившихся к жизни после остановок сердца, и установили, что некоторые из них точно пересказывали содержание разговоров, которые вел

медицинский персонал, пока те пребывали в состоянии клинической смерти. Другие давали точное описание произошедших в этот временной отрезок событий.

Сэм Парния утверждает, что мозг, как любой другой орган человеческого тела, состоит из клеток и не способен мыслить. Однако он может работать как устройство, обнаруживающее мысли. Во время клинической смерти действующее независимо от головного мозга сознание использует его как экран, как телеприемник, который вначале принимает попадающие в него волны, а затем преобразует их в звук и изображение.

А.В. Потапов, кандидат педагогических наук, ст. научный сотрудник Военно-медицинского музея Министерства обороны РФ

Удивительные рассуждения о мозге

Удивительные и совершенно новые суждения о мозге, кумире интеллектуалистов, высказывал Бергсон¹. Он полагал, что разница между спинным мозгом, рефлекторно реагирующим на получаемые импульсы, и головным мозгом – только в сложности, а не в характере функций. В головном мозге регистрируется восприятие, пришедшее извне, и выбирается подходящий способ ответной реакции. «Мозг, – говорит Бергсон, – не что иное, как нечто вроде центральной телефонной станции: его роль сводится к выдаче сообщения или к выяснению его». Он ничего не прибавляет к тому, что получает. Все органы восприятия посылают к нему нервные волокна; в нем помещается моторная система, и он представляет собою центр, в котором периферическое раздражение вступает в сношение с тем или иным моторным механизмом.

Уже самым своим строением мозг доказывает, что его функция есть превращение чужого раздражения в хорошо выбранную реакцию. Аfferентные нервные волокна, приносящие чувственные раздражения, оканчиваются в клетках сенсорной зоны мозговой коры, а те другими волокнами соединяются с клетками моторной зоны, которым передается раздражение. При бесчисленном множестве таких соединений мозг имеет возможность бесконечно видоизменять реакции, отвечающие на внешнее раздражение, и действует как своего рода коммутатор.

Нервная система, и в особенности мозг, – не аппарат чистого представления и познания, а лишь инструменты, предназначенные к действию.

«Мозг – не орган мысли, чувств, сознания, но он то, что приковывает сознание, чувства, мысли к действительной жизни, заставляет их прислушиваться к действительным нуждам и делает их способными к полезному действию». Мозг, собственно, – орган внимания к жизни, принобления к действительности (Душа и тело. Ты и жизнь. 1921, 20 декабря).

Как это ни поразительно, но эти ошеломляющие мысли великого метафизика почти полностью совпадают с новым учением о высшей нервной деятельности, созданным нашим гениальным физиологом Иваном Петровичем Павловым. Даже больше: мы вправе сказать, что незадолго до Павлова Анри Бергсон чисто философским мышлением предвосхитил сущность физиологического учения Павлова, построенного экспериментальным путем по методу изучения условных рефлексов головного мозга.

Для обоснования этого положения я должен привести несколько выдержек из книги Павлова «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных», но прежде необходимо объяснить, что такое условные рефлексы и что называет Павлов анализаторами. У каждого животного есть множество врожденных постоянных рефлексов, которые Павлов называет безусловными. Так, например, животное немедленно бросается на пищу, которую увидит, отдергивает ногу при раздражении ее, улитка втягивается в свою раковину при прикосновении к ней, новорожденное дитя делает сосательное движение при прикосновении к груди матери. Но наряду с этими безусловными рефлексам у высших животных (именно – у собак, на которых экспериментировал Павлов) также можно искусственно выработать новые рефлексы, которые ученый называет условными (можно также назвать их временными или приобретенными). Так, например, если за короткое время до дачи пищи собака будет в течение ряда экспериментов получать одно и то же условное раздражение в виде звука определенной высоты, светового сигнала или почесывания кожи, то скоро это условное раздражение станет действовать так же, как вид и запах мяса (безусловный раздражитель): при условном сигнале у собаки немедленно начинается выделе-

¹ Анри Бергсон (1859–1941) – выдающийся французский философ, психолог, писатель.

ние слюны и обычное при виде пищи двигательное возбуждение. Условный сигнал привел к образованию нового, временного, условного рефлекса.

Как же образуются эти рефлексы? При раздражении условным сигналом воспринимающих свет клеток сетчатки (зрительная оболочка глаза), клеток Кортиева органа, воспринимающих звук, фаттеровых телец и концевых аппаратов чувствительных нервов кожи, воспринимающих осязательные и болевые ощущения, все эти ощущения передаются по волокнам чувствительных нервов в те области коры головного мозга, нервные клетки которых предназначены для восприятия только этих раздражений (зрительный нерв расположен в затылочной части полушарий, звуковой – в височной и т. д.). Нервные клетки коры, восприняв раздражение, анализируют его и, соответственно результатам анализа, передают импульс на нижележащие центры головного и спинного мозга для соответственного исполнительного действия (эффекта): двигательного, секреторного, сосудодвигательного и т. д. Эти нижележащие исполнительные центры называются эффекторными. Анализатором Павлов называет всю систему, состоящую из специфических, воспринимающих клеток органа чувств, начинающихся от них нервных волокон чувствительного нерва, их продолжений – волокон белого вещества и их окончаний – нервных клеток сенсорной области коры полушарий. Таких анализаторов в мозгу бесчисленное множество. Среди них, кроме тех, которые имеют начало в наших пяти органах чувств, есть очень много иных, несущих раздражение от всех органов нашего тела и сигнализирующих коре мозговых полушарий обо всем, что происходит внутри тела. На мозг, таким образом, возлагается грандиозная задача анализировать все эти раздражения и отвечать на них реакциями эффекторных центров.

Теперь будут понятны следующие выписки из книги Павлова:

«С точки зрения условных рефлексов большие полушария представляются как комплекс анализаторов, имеющих задачу разлагать сложность внешнего и внутреннего мира на отдельные элементы и моменты и потом связывать все это с многообразной деятельностью организма».

«Оставаясь на почве точных факторов, мы можем сказать, что большие полушария есть совокупность анализаторов, которые разлагают сложность внешнего и внутреннего мира на отдельные элементы и моменты и затем связывают таким образом анализированные явления с той или иной деятельностью организма».

«Большие полушария – орган животного организма, который специализирован на том, чтобы постоянно осуществлять все более совершенное уравнивание организма с внешней средой, – орган для соответственного и непосредственного реагирования на различнейшие комбинации и колебания явлений внешнего мира и в известной степени специальный орган для непрерывного дальнейшего развития животного организма».

«Моторная область полушарий есть рецепторная область, или главная сфера и т. д., и двигательный эффект при раздражении коры в сущности рефлекторной природы. Этим устанавливается единство всей коры полушарий. Кора, таким образом, является только рецепторным аппаратом, многообразно анализирующим и синтезирующим приходящие раздражения, которые только посредством направляющихся вниз соединительных волокон достигают эффекторных аппаратов».

«В передних долях нет никаких механизмов, которые являлись бы верховными по отношению ко всем полушариям. О каких-то общих механизмах, находящихся в передних долях, не может быть и речи. Никаких особенно важных приборов, которые устанавливали бы высшее совершенство нервной деятельности, там, очевидно, нет». И. Павлов, как и Бергсон, полагает, что разница между головным и спинным мозгом только в сложности, а не в характере функций. Он и его школа считают возможным расшифровку высшей нервной деятельности собаки, какую дали эксперименты с условными рефлексами, отнести и к физиологии мозга человека.

Если у собаки можно получить только вторичные условные рефлексы с первичных, то у обезьяны число их уже выше, а у человека, несомненно, возможно очень большое наслоение одних приобретенных рефлексов на другие, предшествовавшие им, и этим беспрестанно продолжающимся и усложняющимся в течение жизни человека образованием новых мозговых связей дается возможность совершенствования умственной деятельности и расширения объема сознания. Но все-таки эта сложнейшая мозговая деятельность остается только рефлексами головного мозга, и эта новая физиология мозга, как нам кажется, должна занять место психологического учения об ассоциациях.

Но разве это не то же самое, что говорил Бергсон: «Мозг – не что иное, как нечто вроде центральной телефонной станции: его роль сводится к выдаче сообщения или к выяснению его. Он ничего не прибавит к тому, что получил».

Очень важны исследования Павлова и его сотрудников физиологического значения лобных долей мозговых полушарий. Эти доли доселе всеми считались важнейшей частью головного мозга, центрами высшей психической деятельности, органом мышления по преимуществу, даже «седалищем души». Но Павлов не нашел в них «никаких особенно важных приборов, которые устанавливали бы высшее совершенство нервной деятельности»: кора этих передовых долей больших полушарий, как и вся остальная кора, представляют собой сенсорную область. Вся кора полушарий, эта совершеннейшая часть мозга, состоит только из бесчисленного множества анализаторов. И если в коре не нашлось места для какого-нибудь центра чувств, то тем более его нельзя искать в серых узлах мозгового ствола, которые, как это отчасти известно, имеют чисто физиологические функции. Мозговая кора анализирует не чувства, а ощущения.

А если мозг нельзя считать органом чувств, то это в огромной мере подтверждает учение Священного Писания о сердце как органе чувств вообще, и в особенности – высших чувств.

Эти исследования Павлова соответствуют наблюдениям хирургов за множеством раненых с абсцессами лобных долей мозга. Они, как правило, не сопровождаются сколько-нибудь заметными изменениями психики или расстройством высших мыслительных функций. Из своей собственной практики приведу только два ярких наблюдения.

У молодого раненого я вскрыл огромный абсцесс (около 50 см³ гноя), который, несомненно, разрушил всю левую лобную долю, и решительно никаких дефектов психики после этой операции я не наблюдал.

То же самое я могу сказать о другом больном, оперированном по поводу огромной кисты мозговых оболочек. При широком вскрытии черепа я с удивлением увидел, что почти вся правая половина его пуста, а все правое полушарие мозга сдавлено почти до невозможности его различить.

Войно-Ясенецкий В.Ф. (святитель Лука). Дух, душа и тело. – Москва-Клин, 2003.

Зависят ли психические явления от физических?

Самый главный аргумент против материализма заключается в следующем. Мы видим, что физиология приводит множество фактов, указывающих на то, что между явлениями физическими и психическими есть постоянная связь; можно сказать, что нет ни одного психического акта, который не сопровождался бы какими-либо физиологическими; отсюда материалисты делали тот вывод, что психические явления зависят от физических. Но такое толкование можно было бы давать только в том случае, если бы психические явления были следствиями физических процессов, то есть если бы между теми и другими существовало такое же причинное отношение, как между двумя явлениями физической природы, из которых одно есть следствие другого. На самом же деле это вовсе не верно. Между физическими и психическими процессами не существует никакого причинного отношения. Процессы сознания не суть следствия физических процессов.

«По закону причинности (Вундт), везде принятому в естественных науках, мы можем говорить о причинной связи двух явлений только в том случае, когда действие из причины может быть выведено по определенным законам. Такое выведение в собственном смысле возможно только в однородных процессах. Это выведение возможно провести во всей области естественных наук или, по крайней мере, такое выведение мыслимо, потому что расчленение этих явлений постоянно приводит к процессам движения, в которых действие в том смысле эквивалентно своей причине, что при соответствующих условиях причинное отношение можно обратить, т. е. следствие можно сделать причиной, а причину следствием. Так, например, падение какой-либо тяжести с определенной вышины производит двигательное действие, посредством которого тяжесть такой же величины может быть поднята на ту же высоту. Ясно, что о такой эквивалентности между нашими психическими действиями и между сопровождающими их физиологическими процессами не может быть и речи. Действиями последних всегда могут быть только процессы физического характера. Только благодаря этому и возможна в природе та замкнутая причинная связь, которая находит свое полное выражение в законе сохранения энергии; этот закон нарушался бы всякий раз, когда телесная причина производила бы духовное действие.

Физический процесс в мозгу образует замкнутую причинную связь, нигде не наступает член, который не был бы физической природы. Например, какой-либо человек переходит через улицу; вдруг его называют по имени; он поворачивает голову к тому, кто его зовет. Физиолог весь этот процесс мог бы построить чисто механически; он показал бы, каким образом воздействие звуковых волн на слуховой орган возбуждает в слуховом нерве определенный нервный процесс, каким образом этот процесс распространяется к центральному органу, который, наконец, приходит к иннервации известных групп двигательных нервов, конечным результатом которых оказалось движение головы в том направлении, откуда шли звуковые волны. Все эти процессы приходят к физическому прогрессу без всякого перерыва. Но, кроме того, здесь происходит еще и другой процесс, которого физиолог в своих объяснениях не должен принимать в расчет, но о котором он, как мыслящий и объясняющий свои мысли человек, говорит: слуховые ощущения вызвали представления и чувства, позванный услышал **свое имя**, он обернулся, чтобы узнать, кто **его позвал**, и затем он увидел там **своего** старого знакомого. Эти процессы совершаются рядом с физическим процессом, но не вмешиваются в него. Восприятие и представление не образуют членов физического причинного ряда. Они не вмешиваются в процессы физические. «Животное или человеческое тело, – говорит физиолог Геринг, – не изменится в глазах физика от того, что животное способно чувствовать удовольствие или боль, что с материальными отправлениями тесно связаны радости и страдания духа, живое воображение и сознание. Для него тело остается все

тою же массою материи, которая подлежит тем же несокрушимым законам, которым подлежит и вещество камня, и вещество растения. Ни впечатление, ни представление, ни даже сознательная воля не могут составлять звена этой цепи материальных обстоятельств, образующих жизнь организма. Если я отвечаю на заданный мне вопрос, то материальный процесс, совершающийся в это время между волокнами органа слуха и мозгами, должен оставаться только материальным, чтобы достигнуть двигательных нервов голосового аппарата. Процесс этот не может, достигши известной части мозга, внезапно обращаться в нечто неведущее, чтобы по прошествии известного времени в другой части снова принять форму вещественного проявления».

Если бы теория материалистов была правильна, то нужно было бы ожидать, что физический процесс в известных пунктах обнаруживает перерыв и именно там, где в качестве членов причинной связи выступают психические события.

Если бы нервное движение было причиной ощущения, то оно как таковое должно было бы уничтожаться, а взамен его возникало бы ощущение. Но мы легко можем убедиться в том, что это невозможно, если примем в соображение, что может порождать движение вообще. Например, движение шара *A* имеет своим следствием движение шара *B*, то есть первое движение пропадает, вместо него возникает определенное движение второго шара. Известное движение вызывает теплоту, то есть движение пропадает, вместо него появляется определенное количество теплоты; то же самое должно было бы быть и в нашем случае: вместо уничтожившегося движения должно было бы возникнуть ощущение или представление как его эквивалент. Но представление не есть что-либо материальное, поэтому для физики причинная связь имела бы здесь пробел, в физическом процессе отсутствовало бы звено. Это противоречило бы непрерывности физических процессов, наблюдаемых во всей природе. То, что движение превращается не в другую форму движения, не в потенциальную физическую энергию, но в нечто, что физически вообще не существует, есть предположение, которого физик не может допустить. Превращение движения или физической энергии в мысль, в чистые процессы сознания для натуралиста было бы равносильно уничтожению энергии. Следовательно, материализм невозможен с точки зрения естествознания.

Теперь читатель легко может видеть, в какой связи находится материализм и естествознание. Можно сказать, что данные естествознания не подтверждают положений материализма. И даже, наоборот, наиболее выдающиеся представители естествознания высказывались против возможности материалистического толкования духовных явлений. Назовем такие имена, как Гельмгольц, Дюбуа-Реймон, Фирордт, Лудвиг, Фикк.

Один из наших русских физиологов, открывая в 1871 году курс физиологии, во вступительной лекции доказывал, что мнение об особенной связи физиологии с материализмом основано на невежестве и что, напротив, естествознание скорее способно указать слабые стороны материализма (см. Ибервег-Гейнце. История философии. – 1890, с. 549). Английский физик Тэт в книге «Новейшие успехи физических знаний» говорит: «Существует многочисленная группа людей, которые утверждают, что воля и сознание – чисто физические явления. Это заблуждение обусловлено тем легковерием, которое характеризует невежество и бездарность». Из этого легко видеть, что материализм есть порождение естествоведов, а не естествоведения.

Поэтому, ради последовательности, материалисту остается признать ощущение первичным свойством всякой материи или, по крайней мере, свойством материи организованной, но, став на эту точку зрения, материализм отказывается от своего основного положения.

Вот почему Бюхнер, желая отстоять свои прежние взгляды, стал на новую точку зрения, которая не может быть названа материалистической в строгом смысле этого слова. В последнем издании своего «Stoff und Kraft» он находит, что признание материи безжизненной совершенно ни на чем не основано. По его мнению, материи как таковой должны

быть приписаны наряду с физическими свойствами и свойства психические. Здесь мы у него находим вставки, состоящие в прямом противоречии с положением чистого материализма, что мысль есть функция материи, что можно было бы признать в том случае, если бы мы допустили одну субстанцию в мир – материальную.

У Бюхнера мы находим признание субстанции, но не материальной. «Мышление и протяженность, – говорит он, – могут быть рассматриваемы как две стороны или способы явления одного и того же единичного существа, каковое существо, однако, по своей природе остается неизвестным». Дух и природа в конце концов – одно и то же. Эта монистическая точка зрения, которая никак не может быть связана с материализмом и к которой должен был прибегнуть Бюхнер, чтобы отстоять частности материалистического учения, по нашему мнению, самым неопровержимым образом доказывает полную несостоятельность этого учения в его ходячей форме. (Прив. доц. Г. Челпанов: Мозг и мысль (критика материализма). «Мирь Божий», 1896, февраль).

Дьяченко Григорий (свящ.) Из области таинственного. – М.: Донской монастырь, 1992

Главный вопрос мировоззрения

Вопрос о бессмертии души – едва ли не самый главный вопрос мировоззрения. Таким считал его Ф.М. Достоевский, таким считаем его и мы. Для Достоевского бессмертие – это «опорный пункт веры в человека, к которому сводится решение всех мучивших человечество вопросов»; «высшая идея на земле – лишь одна, это именно идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные «высшие» идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из нее одной вытекают».

Для тоскующего по вере в Бога Версилова (герой романа Ф.М. Достоевского «Подрасток») Бог и есть бессмертие. И это очень понятно. Ведь если существует область духа – душа отдельного человека, то этим почти решается и вопрос о существовании вообще духовного бытия. Если есть бессмертие, значит, есть и Бог.

В то же время идея бессмертия – основная предпосылка практической деятельности людей. «Или бессмертие, или антропофагия, людоедство, пожирание друг друга», – так ставит вопрос Достоевский. И он прав. Нельзя жить, не веря в душу.

В «Ното sapiens» С. Пшибышевского есть страшный диалог между Гродским и Фальком, двумя «неверующими», остановившимися перед вопросом, жить ли им и как жить:

«Гродский: Фальк, ты веришь в душу?»

Фальк: Нет, не верю. Нет, я не знаю. Я ни во что не верю. А ты что-нибудь думаешь о «ней»?

Гродский: О ком?

Фальк: О ней.

Гродский: Я не верю, но мне страшно».

Смысл этого разговора, полного ужаса, ясен: даже эти нигилисты до того жаждут существования души и Бога, чтобы «на Нем положить свою жизнь», что с благоговейным ужасом и боязнью произносят и само слово «душа». Они желают, им хочется думать о ней; им страшно думать, что она есть, и еще страшнее признать, что ее нет. Тело свое они «изжили», взяли из него все, что можно. И теперь встает вопрос: куда же идти дальше? С точки зрения их прежнего мировоззрения ответ ясен: «идти в смерть». Но останавливает мысль: «а что если есть душа?». Ведь тогда можно жить, тогда открывается цель и смысл жизни. Просто так нельзя умереть, придется вечно нести погубленную, проданную телу душу. Это сознание радостно, мучительно и ужасно.

Нужно выбрать одно из двух: или, изжив все наслаждения, пережив все, что может дать жизнь пьяного, наркотического, скорее убить себя, не опомнившись от похмелья, или уверовать в бессмертие, в эту «страшную душу». Скажем яснее: человек знает два мотива-импульса, позволяющие ему нести «обузу жизни». Один мотив – жизнь для себя, для тех нервных, пьяных ощущений, которые даны в «жизненном кубке». Так живет Федор Павлович Карамазов (герой романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»), который стал на сладострастии своим, как на камне; так живут многие, по причине тупой, страстной привязанности к ощущениям жизни принимающие мир прежде, чем найдут нравственный смысл его, или даже без всякого смысла, без высшей идеи, удерживаемые в этой жизни «силой карамазовской низости».

Только себялюбцы без крыльев, с узенькой мещанской душой могут дожить до того дня, когда недорослая душа бросит изношенное тело. Они могут существовать лишь потому, что не живут, а передвигаются изо дня в день и, недостойные жизни, не чувствуют ее и не творят ее. И, не живя, они не умирают, а незаметные, уходят из этой жизни. А те, кто с «крыльями», если они живут «силой карамазовской низости», пьют из кубка с отчаянием, неудержимо, а когда вино не пьянит, не вынося похмелья, разбивают кубок об пол.

Итак, с одной стороны, – бессмертие, а значит, напряженная духовная жизнь, с другой – тупое прозябание людей ни теплых, ни холодных, ведущее к самоубийству.

Есть и другой тип людей: они живут общественно-альтруистическим инстинктом. Лейтмотив их жизни – «нужность», полезность для человечества в его скорбном пути к счастью, борьба за гармонию всей человеческой жизни. Но этот мотив силен только рядом с идеей души и ее бессмертия. Только тогда человек может участвовать в созидании общего счастья, когда он уверен, что и он, его «я», будет петь осанну будущей гармонии мира и торжествовать с пальмами победу – личное бессмертие, – и еще более тогда, когда он уверен, что счастье всего человечества не рассеется в будущем, как дым.

Если нет уверенности в том, что духовное богатство человечества вечно, потому что вечны и «души – носители богатства», то и любовь к человечеству невозможна. Можно ли любить человека, когда от всего человечества не остается в будущем и сального пятна, и можно ли любить мир, когда в будущем он обратится со всеми душами и идеями в ледяную сосульку?

Без веры в бессмертие связи человека с землей становятся тоньше и в конце концов рвутся. Атеист-самоубийца у Достоевского пришел к заключению, что «по-животному жить отвратительно, ненормально и недостаточно для человека», то есть это уже надоело. Но встает вопрос: что же в таком случае сможет удержать человека-безбожника в этом мире? В Бога и бессмертие он не верит, а вне этой веры нет нравственных начал жизни. «Сила низости карамазовской», животный страх смерти или животная жажда жизни выдохлись. Они и не могут не выдохнуться. Итак, что же теперь? Теперь самоубийство неизбежно.

«Неотразимое убеждение в том, что жизнь человечества, в сущности, – такой же миг, как и моя собственная, и что завтра же, по достижении «гармонии» (если только верить, что мечта эта достижима), человечество обратится в тот же нуль, как и я, силою косных законов природы, да еще после стольких страданий, вынесенных в достижении этой мечты, – эта мысль возмущает мой дух окончательно, именно из-за любви к человечеству возмущает, оскорбляет за все человечество и по закону отражения идей убивает во мне даже самую любовь к человечеству».

Нельзя любить небессмертное, нелепое, пошлое человечество, которое и существует бессмысленно. Для любви к людям нужна вера в душу и бессмертие, без этого любовь к людям непонятна и невозможна. Иначе – опять антропофагия. Этот вывод иллюстрирует пример Фалька, на которого мы указывали выше. Он соединил в себе оба мотива жизни: поиски неких ощущений и работу ради «общего счастья», ради великой гармонии будущего. И в конце концов у него вырывается крик: «Дайте мне душу, или прокляты и мое «пьянство» жизнью, и моя любовь к человечеству. Она была ложью. Я эту любовь выдумал, чтобы спрятаться от взора смерти, которая глядит мне в глаза, чтобы убить в себе муку, видеть в себе только земляного червя, который завтра умрет. Дайте мне душу, чтобы любить людей не из-за отчаяния, а за бессмертие и ради бессмертия».

Итак, душа нужна. Но возможно ли доказать ее бессмертие?

Полагаем, что здесь, главным образом, возможны два пути: путь мистического опыта и так называемое нравственное доказательство бессмертия.

Истину существования человеческого духа раскрывает опыт христианской жизни. Но это доказательство убедительно только для тех, кто живет духовной жизнью столь глубоко, что ощущает в своей душе дыхание Живого Бога.

Моральное доказательство сводится к следующему положению: «Мы хотим бессмертия – значит, оно есть». Вот слова Ф.М. Достоевского, в которых оно заключается: «Без убеждения в своем бессмертии связи человека с землей обрываются, становятся тоньше, гнилее, а потеря высшего смысла жизни, ощущаемой хотя бы лишь в виде бессознательной тоски, несомненно, ведет за собой самоубийство». Но отсюда – и обратное нравоучение:

«Если убеждение в бессмертии так необходимо для бытия человеческого, то, стало быть, оно есть нормальное состояние человечества, а коли так, то и самое бессмертие души человеческой существует несомненно».

Это доказательство кажется глубоким, но очевидно, что убедительность его – не логическая. Нельзя ли найти доказательства другого типа?

Для наших же читателей решаемся указать и иной интересный способ доказательства бессмертия, рассчитанный на тех, кто не верит, более того – не хочет знать никаких законов, кроме материи и ее эволюции.

Мы утверждаем, что бессмертие можно считать фактом даже в том случае, если стоять на позициях теории эволюции. Вот как эта теория была изложена нами в одной публичной лекции:

«Речь пойдет о бессмертии. Живет ли и будет ли жить наша душа? Вопрос важный и вовсе не праздный. Вспомните, как остро ставит его «подпрапорщик» Гололобов в рассказе Арцыбашева. Он говорит: «Каждый человек обязан думать о своей смерти, потому что каждый человек должен умереть. Никто не может относиться равнодушно к такой ужасной вещи, как смерть. Положение каждого человека есть положение приговоренного к смертной казни. Смерть – это неестественно, это насилие... Я не хочу умирать, но умру. Это и насилие, и противоестественно. Это было бы красивой фразой, если бы в действительности было не так. Но оно так, а потому это уже не фраза, а факт».

«Не ужасно ли, право, – вторит ему доктор, – вот мы все живем, а потом умрем, так зачем же мне тогда, не говорю уж наши заботы, огорчения и радости, а даже наши идеалы? Вот Базаров говорил, что лопух вырастет, а в сущности – еще того хуже: и это-то неизвестно. Может, и лопух не вырастет, а просто ничего не будет. Завтра помрут все, кто меня знал; бумаги мои, сданные в архив, съедят крысы, или их сожгут, и все будет кончено. Никто и не вспомнит обо мне. Сколько миллионов людей существовало до меня, а где они? Я вот хожу по пыли, а эта пыль пропитана останками тех людей, которые так же были самоуверенны, как и я, и думали, что это очень важно, что они живут.

Вот огонек горел – и нет его! Пепел остался; может быть, можно опять зажечь, но это уж будет не то. Того, что горел, того уж не будет! Меня не будет! Неужели же... Ну, конечно! Все будет: и деревья, и люди, и чувства – много приятных чувств, любовь и все такое, – а меня не будет. Я даже смотреть на это не буду. Не буду даже знать, есть ли это все или нет!

То есть даже не то что «не буду знать», а просто меня совершенно не будет! Просто? Нет, это не просто, а ужасно жестоко и бессмысленно! Зачем же я тогда жил, старался, считал это хорошим, а то дурным, думал, что я умнее других? Все равно меня не будет. И меня черви съедят. Долго будут есть, а я буду лежать неподвижно. Они будут есть, копошиться, белые, скользкие. Пусть лучше меня сожгут. Вот это тоже ужасно! Зачем же я жил? И ведь я умру скоро. Может быть, я завтра умру? Сейчас? Ведь это так просто: заболит самым невинным образом голова, а потом все хуже, хуже и смерть. Я ведь сам знаю, что это просто, знаю, как и почему это, а между тем, остановить и предупредить не могу! Умру. Может, завтра; может, сейчас. Какой смысл, кому нужно? Нет, я боюсь, боюсь!..»

Да, это ужасно, и об этом нельзя не думать, каждый обязан думать о смерти – вернее, о бессмертии, – чтобы жить и творить.

Возможно, для доказательства бессмертия лучший метод – моральный. Может быть, здесь не нужна логика ученого, а нужно пророчество, вдохновение тех пророков, которые скитались в милотях и козых кожах и которых весь мир не был достоин (Евр. 11, 37–38), в чьих речах – сила духа, которая уже достаточно доказывает вечное бессмертие; но поскольку вы хотите доказательств из области чистого знания, – я уступаю.

Я не хочу поймать вас в ловушку. Вы собрались здесь не затем, чтобы слушать проповедь, и если бы я преподнес вам это неожиданно, то меня можно бы было обвинить в том, что

я как будто устроил для вас западню. Я не желал бы заслужить такого упрека. Я думаю, что в самом деле многие из моих слушателей не пожелали бы прийти сюда, если бы им предложили присутствовать на проповеди. Спешу вас успокоить на этот счет, объяснив, в каком смысле мне придется говорить здесь о бессмертии и из какого источника я буду черпать для этого доказательства.

Я хочу говорить как естественник и свободный философ и предупреждаю, что я буду просто референтом, докладывающим выводы Сабатье, Джемми, Шиллера и др.

Не думайте, что я надеюсь бесспорно убедить всех в догмате бессмертия. Нет. Задача моя скромнее: я хочу добиться признания того, что мы не имеем права его отрицать. Единственное мое намерение – и оно вполне законно – это исследовать, действительно ли идея личного бессмертия встречает противоречие в научных данных; действительно ли современные успехи знания все глубже и глубже роют неизбежную могилу для человеческого существа, и действительно ли только наивным и невежественным людям свойственно верить, что вне этого земного существования может быть другое и что телесная смерть вовсе не влечет за собою неизбежного умирания личности.

Тем, кто предполагает, что приобретение человеческих знаний разрушило учение о бессмертии, я нахожу нужным заметить, что таким образом намереваясь опираться на науку, выражая якобы научное мнение, они оскорбляют науку. Они говорят: «Наука не позволяет верить в бессмертие. Наука доказывает, что все умирает, все разлагается на свои основные части, ничто не вечно. Наука отрицает возможность бессмертия. Последнее несовместимо с научными данными».

По словам Сабатье: «Наука не опровергает бессмертия; у нее нет возможности ни опровергнуть его, ни доказать. Бессмертие – это такой вопрос, который только еще входит в область науки, поэтому и не может быть доказан научным способом». Я утверждаю, что наука движется к признанию бессмертного духа, но когда она к этому придет – не знаю.

Уже с древних времен мыслящее человечество пыталось решить вопрос о том, бессмертен ли человек, будет ли он существовать как сознательная личность после видимой телесной смерти или его душа – миф, нечто, реально не существующее; и в решении этого вопроса намечались два противоположных направления. Одно исходило из уверенности в том, что человек имеет особое начало – дух, – которое не только отличает его от всего остального живого мира (количественное соотношение), но и возвышает над ним (качественное соотношение). Дух этот не подлежит разрушению, так как и по смерти тела он сохраняет самостоятельное существование; он вечен, как вечен его Творец.

Другое направление имело в своем основании совершенно противоположную мысль, а именно – что человек только количественно, но не качественно отличается от других живых существ; что в нем нет никакого Божественного начала; что он представляет собой соединение материальных элементов, которые разрушаются со смертью организма; что нет никакой другой жизни, кроме земной, поэтому людей должно призывать не к воздержанию, не к совершенству, а к тому, чтобы максимально пользоваться всеми земными благами без всяких забот о завтрашнем дне. Будем есть и пить, потому что утром мы умрем (1 Кор. 15, 32).

Когда на земле появилось христианство – религия, воспевающая союз Безначальной Личности с бессмертным человеческим духом, – и когда оно мощно распространилось по всему миру, воцарилось в сознании всех разумных свободных личностей, тогда теория полноты материальности человеческого существа начала тускнеть, уступая свое место живой вере человека в свое бесконечное существование. Но она не умерла окончательно: прошло несколько веков – она вновь возвысила свой голос. Воспользовавшись теми выводами, которыми естествознание обогатило науку, эта теория стала утверждать, что бессмертия нет и не может быть и что поэтому бессмысленно мечтать о какой-либо иной жизни, кроме земной;

нет никакой души как особого духовного начала, а то, что люди привыкли называть душой, есть не что иное, как «плод развития мозга».

Вот что писал по этому поводу Бюхнер: «Философия без предрассудков вынуждена отбросить мысль о личном бессмертии и о продолжении личной жизни за гробом. Ум должен прекратить свое существование с гибелью и разложением своей естественной почвы, при посредстве которой он только и получал сознательное существование и благодаря которой он сделался личностью» (Ген. Друммонд. Естественный закон в духовном мире. – М., 1897, с. 113.).

Тем же характером отличаются и рассуждения Фохта: «Физиология положительно и решительно отрицает отдельное существование души. Душа не входит в утробный плод, как злой дух в одержимых, но она есть плод развития мозга, так же как мускульная деятельность есть плод развития мускулов, а выделения – плод развития желез».

Казалось, человечество было накануне кризиса мировоззрения. Ответ ему был ясен: душа умерла, Бог умер, человек должен сойти с пьедестала, на котором он стоял как владыка мира, существенно отличавшийся от одушевленной природы своим разумом и свободой. Связь с небом была порвана, потому что небо, по его мнению, пусто, там нет Бога. Это был трагический момент. Но людям не дано губкой снять краску со всего горизонта: им не убить Бога.

Прошли пьяные годы голого материализма, и вот мы стоим перед положением, противоположным бюхнеровскому: душа есть, и она бессмертна, потому что материи, в сущности, нет. И вот, как гром среди белого дня, грянуло: «Ignoramus et ignorabimus» Дюбуа-Реймона (немецкий физиолог). «Не знаем и не будем знать» – вот новый принцип.

Да, естествознание сделало большие успехи, оно до некоторой степени перевернуло мир, но оно не может взять на себя слишком ответственную задачу – построить цельное, строго научное мировоззрение, ибо суть мирового бытия, тайна жизни является для него такой же неразгаданной, какой была и раньше.

Что такое жизнь? – спрашивали «новые» пытливые умы и отвечали: – Естествознание не знает. В чем цель жизни и к чему все идет? Наука не может дать на это ответа.

Можно ли, по крайней мере, утверждать, что, помимо материи, нет иного бытия? Оказывается, и этот вопрос остается без ответа. Наука имеет дело только с опытом, с положительными фактами. Сказать же что-нибудь определенное о том, что выходит за пределы опытного наблюдения, не захочет ни один сколько-нибудь уважающий себя естествоиспытатель. Подобного рода речи, если только они исходят от приверженца положительного знания, служат лишь оскорблением науки.

С этого дня началось крушение многих «полуаксиом» знания. «В области науки в будущем еще падет и разрушится много суеверий и аксиом», – говорил я некоторое время тому назад. Мне приходилось тогда же писать и о разрушении одной из них – аксиомы «Ex nihilo nihil» («Из ничего ничего не происходит»). Насколько тверда эта мысль? Может быть, и даже несомненно, она бесспорна, но мы вкладываем в нее такое содержание, какого в ней нет.

Возьмем, к примеру, партеногенез. Знаете ли вы, что это такое? В животном мире это рождение без участия мужского начала. Яйцеклетка оплодотворяется, становится способной создать жизнь через раздражение ее химическими, электрическими реактивами. Эти реактивы вполне заменяют мужское начало, так как, по-видимому, сперматозоид и играет только роль раздражителя. Таким образом «девственно» размножались шелкопряд, иглокожие и т. д.

Если бы вам кто-нибудь сказал об этом факте, вы, наверное, ответили бы: «Нет, это нелепость, без мужа рождение невозможно. Теперь «бессеменное» зачатие, партеногенез, – признанный факт (см. Мир Божий. Январь, 1905. Современное состояние учения о партеногенезисе), но когда 110 лет тому назад де-Кастеллэ в первый раз сказал знаменитому Реомюру (французский естествоиспытатель XVIII века. Известны его труды по регенерации,

физиологии, биологии колоний насекомых. Предложил температурную шкалу, названную его именем) о своем открытии девственного размножения у шелкопряда, тот только улыбнулся. «*Ex nihilo nihil*», – и де-Кастеллэ тотчас покаялся в нелепости своей мысли и стал оправдывать свою «ошибку». Однако здесь-то он и ошибся, и мы вынуждены признать, что эта формула верна лишь отчасти.

Рассмотрим еще одну аксиому: «Все, что имеет начало, имеет и конец». На первый взгляд кажется, что из нее нет исключений, но не придется ли ограничить и ее? Однако всмотримся в это внимательнее. Может ли наука сказать, что она не знает ни одного исключения из этого правила, ведь в природе много вещей, начало которых мы не наблюдали и конца которых также не увидим. По аналогии можно заключить, что и эти явления подчиняются закону смерти и разрушения. Но вопрос не в этом, а в том, можно ли об этом говорить положительно, оставаясь на строго научной почве. А что, если эти явления в самих себе носят способность вечно возрождаться, вечно возобновляться, так сказать, вечно молодеть? Оказывается, это так, и доказательство тому – факты.

Начнем с неорганизованной материи. Возьмем кристалл каменной соли, представляющий собою индивидуальность вполне ясного характера: определенная геометрическая форма, отношение составляющих его молекул, оптические, тепловые, электрические, магнитные и химические свойства и т. д. Группировка составных частей этого кристалла индивидуализировалась вполне отчетливо. Предположим, что составные части в нем будут исключаться и заменяться, по мере их исключения, другими составными частями, тождественными первым; допустим, что такое замещение в очень небольшом количестве происходит медленно, постепенно, прогрессивно, так что элементы, введенные в данный момент, будут всегда в меньшинстве относительно стоящих перед ними.

Отсюда, очевидно, следует, что характеристическая форма кристалла, его положение, отношение к соседним кристаллам, функции, динамическое состояние, его свойства в общем останутся прежними. Следовательно, прогрессивная замена элементов не нарушила динамической индивидуальности, функциональной группировки элементов, совокупности сил и их действий, они остались без изменения. И если эта прогрессивная замена не прекращается и будет продолжаться в течение неопределенного времени, кристалл как индивидуальность может, по моему мнению, считаться как бы имеющим свойство существовать постоянно и – можно даже сказать – свойство бессмертия. Бессмертие этого кристалла, по нашей гипотезе, обусловлено непрекращающимся постепенным возобновлением его составных частей, постоянным возрождением, представляющим собой род охранительной эволюции (Сабатье). Но это бессмертие относительно и неполно.

Было время, когда существовала только неорганическая материя по типу первичной плазмы. Плазма представляет собой необыкновенно сложное, даже самое сложное из всех известных нам соединений. Но хотя ее составные части чрезвычайно многочисленны, все же это не простая смесь, а химическое соединение, известное под названием химического молекулярного комплекса, то есть это взаимное притяжение различных молекул, между которыми существует такая связь, которая превращает всю их совокупность в одно целое. Альбумин есть главная и активная составная часть плазмы. Этот комплекс обладает всеми свойствами жизни; в нем – то именно и происходят с такой энергией явления уподобления, преобразования, питания, разрушения и т. д. и т. п., которые образуют необходимые элементы, составляющие жизнь. Следовательно, он дает возможность жизни, ставшей глухой и медленной в грубой материи, проявляться здесь с удивительной выразительностью, вечно обновляться, поддерживая ее бессмертие.

Плазма бессмертна вследствие постоянства той динамической совокупности, которая является результатом соединения составляющих ее материальных элементов, так как эти последние, хотя сами по себе и не постоянны, но могут, при своем выходе из соединения,

замещаться другими; вследствие гармонического и уравновешенного соединения сил, для которых она служит центром и местом действия, а также по причине ее творческой, возрождающей, обновляющей способности, которая дает ей возможность повсюду отыскивать жизненные элементы, группировать их и заставлять их проникать в составляющие ее агрегаты. Ибо в то время как составные элементы плазмы весьма легко теряют свою индивидуальность, вступая в новые соединения, она обладает значительной созидательной и реставрирующей силой, с помощью которой способна предохранить себя от этого разрушения, немедленно исправляя его непреодолимым стремлением, энергичной волей, направленной к сохранению жизни. Это искусный реставратор. Таким образом, зародышевая плазма является способной к вечному возрождению и к сохранению постоянной свежести.

Были и другие теории бессмертия – например, с позиции доминирующей роли головного мозга. «Мысль есть основная функция мозга», – говорил старый материализм. Будем и мы исходить из этого положения.

«Я прошу вас признать вместе со мною, – пишет профессор философии Гарвардского университета В. Джемс, – великую психофизиологическую формулу: мысль есть функция мозга. Теперь вопрос в том, принуждает ли нас логически эта доктрина отвергнуть веру в бессмертие? Заставляет ли она всякого здравомыслящего человека жертвовать надеждами на загробную жизнь потому, что он считает долгом принять все последствия научной истины? Я должен показать вам, что роковое заключение не является обязательным, как обыкновенно воображают, и что даже если наша душевная жизнь в том виде, в каком она проявляется перед нами, представляет в строгой точности функцию мозга, подверженного смерти, отсюда все-таки не следует, что жизнь не может продолжаться даже после смерти мозга; я хочу показать, что это, напротив, вполне возможно».

Мысль является функцией мозга – пусть будет так, но вопрос в том, какой функцией? Мозг можно рассматривать или как производящую причину мысли, или как одно из условий для проявления вовне той мысли, которая уже существует независимо от мозга. Предполагаемая невозможность продолжения жизни происходит от слишком поверхностного взгляда на допущенный факт функциональной зависимости. Как только мы взглянем внимательнее в это понятие о функциональной зависимости и спросим себя, например, сколько может быть видов функциональной зависимости, мы тотчас заметим, что по крайней мере один ее вид нисколько не исключает загробной жизни. Роковое заключение физиолога происходит оттого, что он голословно принимает только один вид функциональной зависимости, а затем считает этот вид единственно возможным.

Когда физиолог, полагающий, что наука его разбивает всякую надежду на бессмертие, утверждает: «Мысль есть функция мозга», он смотрит на факт совершенно так же, как когда он говорит: «Пар есть функция чайника, свет есть действие электрического тока, сила есть функция движения водопада». В последних случаях различные материальные предметы обладают функцией, создающей или порождающей данные действия, а такая функция их должна быть названа продуктивной, или же производящей, функцией. «Так точно, – думает физиолог, – должен действовать и мозг».

Но в мире физической природы такая продуктивная функция не является единственным видом известных нам функций. Мы знаем еще функцию пермиссивную, или освобождающую; кроме того, у нас есть еще трансмиссивная, или передающая, функция. Клапаны органа, например, обладают только передающей функцией: они последовательно открывают различные трубы и выпускают воздух из мехов различными путями. Голоса разных труб образуются волнами воздуха, вибрирующего при выходе. Но воздух не порождается в органе. Собственно орган, взятый отдельно от мехов, представляет собой только аппарат, выпускающий частями воздух в особой органической форме.

Наука не может считать мысль результатом производящей функции мозга. И вот почему. О продуктивной функции можно говорить только там, где совершенно ясно и отчетливо, то есть совершенно научно, будет показано, как одно, предыдущее, рождает другое, последующее. Здесь не должно оставаться ни одного, даже самого маленького «икса». Когда наука употребляет слово «функция», то она подразумевает лишь ряд постепенных изменений, наблюдаемых в известной последовательности. Так ли обстоит дело в нашем примере?

«Если мы говорим о науке в положительном значении ее, то под словом «функция» мы можем подразумевать не что иное, как просто соответствующие изменения. Когда мозговая деятельность изменяется в известном направлении, соответственно изменяется и сознание: когда работают затылочные доли мозга, сознание видит предметы; когда работает нижняя лобная часть мозга, сознание называет предметы самому себе; когда работа мозга останавливается, сознание засыпает, и т. д.

В строгой науке мы можем только записать простой факт соотношения. А всякое мнение о способе происхождения факта, посредством созидания его или простой передачи, представляет лишь добавочную гипотезу, притом гипотезу метафизическую, так как мы не можем составить себе никакого понятия о частностях как в том, так и другом случае» (У. Джемс).

Таким образом, научно можно утверждать только одно: за известным мозговым процессом следует известное впечатление, известное состояние сознания. Но можно ли, стоя на научной почве, сказать, что мозг именно и порождает сознание, что сознание существует лишь постольку, поскольку налицо имеется мозг?

Но тогда к какому же времени нужно отнести появление сознания? И как представлять самое его появление? Где именно здесь предыдущее и последующее, необходимо требуемые точной наукой? Спросите какое-нибудь указание относительно точного процесса рождения мысли – и наука признает себя бессильной ответить вам. Она не может пролить и малейшего света на этот предмет, не может дать вам и малейшего предположения или догадки. У нее даже нет по этому поводу ни плохой метафоры, ни игры слов. «Ignoramus et ignorabimus», – вот что скажет в этом случае большинство физиологов словами одного из них.

«Появление сознания в мозге, – ответят они, как ответил когда-то покойный профессор физиологии в Берлине, – есть абсолютная мировая загадка, нечто до того парадоксальное и ненормальное, что в этом явлении можно видеть камень преткновения для природы, которая в том почти противоречит самой себе. Относительно способа образования пара в чайнике мы имеем известные понятия, на которых и строим предположения, так как переменные части физически однородны и мы легко можем себе представить, что здесь речь идет лишь о видоизмененных молекулярных движениях. Но при образовании сознания в мозгу переменные члены разнородны по природе, и в пределах нашего разума это явление представляет такое же большое чудо, как если бы мы сказали, что мысль порождается самопроизвольно или создается из ничего» (У. Джемс).

Таким образом, мозг является только аккумулятором мысли, не более. А мы знаем, что аккумулятор есть материя, вещество, прибор, орган, способный получать извне и собирать, накапливать некоторые силы, вещества, продукты, для того чтобы расходовать их потом более или менее медленно и в известных условиях. Аккумулятор не созидает, он лишь накапливает то, что получает извне.

Приведу примеры для иллюстрации этого определения.

Простая пружина есть аккумулятор силы и движения: когда ее натягивают, она собирает и хранит силу, потраченную на ее натяжение, а потом может ее снова возвратить, быстро или медленно, в зависимости от условий, при которых она приходит в первоначальное состояние. Часовая пружина представляет собою всем известный и яркий пример указанного факта: она собирает и хранит упругую силу, сообщаемую ей в известное время рукой того,

кто ее заводит, и, благодаря механизму, употребляемому для ее спуска, возвращает накопленное ею движение в продолжение более или менее долгого промежутка времени. Если спуск пружины произошел вдруг, а не распределен на большой промежуток времени, то сила возвращается быстро и вся зараз.

Водяной пар и вообще жидкости, приведенные в парообразные состояния, – также аккумуляторы теплоты и движения, потому что они заключают в себе в скрытом состоянии накопленную теплоту, сообщенную им очагом и употребленную на испарение их. Так как эта теплота обладает механическим эквивалентом, то пар является в то же время и аккумулятором движения. Сгущаясь, то есть превращаясь снова в жидкое состояние, пар может возвратить теплоту или в форме теплоты же, или в форме движения.

Электричество точно так же может быть аккумулировано на обширных металлических поверхностях, как, например, на цилиндрах электрических машин, или на электрических конденсаторах в собственном смысле, или в аккумуляторах, где оно собирается и сгущается вследствие соединения свинца с кислородом воды, а потом выделяется, благодаря разложению окиси свинца.

В растениях есть одно вещество, играющее замечательную роль аккумулятора углерода: это хлорофилл, который, извлекая углерод из находящейся в атмосфере углекислоты – соединения углерода с кислородом, – аккумулирует его в растении в форме клетчатки, древесины, крахмала и т. д. Этот углерод, увлекаемый растительными соками, отлагается в различных частях растения. Но в то же время хлорофилл служит аккумулятором теплоты и солнечного света, потому что, производя свою преобразовательную работу, он поглощает солнечную теплоту для того, чтобы потом выделить ее как топливо наших печей.

Конечно, я привел здесь не все примеры аккумуляции, которые представляет нам область научных исследований.

Итак, говоря упрощенно, мы представляем материю мозга своего рода фонограммой, на которой записана мелодия наших мыслей, волевых настроений, чувств. Наши мысли не родились из мозга: они перенесены извне. Это элементы, или готовые психологические волны, переданные нам миром (здесь речь идет об ощущениях) или другими духовными сознаниями (более сложные психологические волны).

Теперь спросим: какого рода та сила, которая оставила свои борозды на фонограмме души?

В конденсаторе аккумулируется электричество; в магните тоже может быть электричество с незначительно измененной характеристикой и т. д. А здесь, очевидно, действует какая-то новая сила. Неважно, как мы ее назовем, но, видимо, все-таки здесь даже натуралисту нельзя найти название лучше прежнего – дух. В сущности, трудно назвать иначе как словом «дух» и ту силу, которая организовала протоплазму.

«Вся обнаружившаяся жизнь есть ясное выражение духа: она – его плод и результат. Это именно дух, то есть возможность познавать конечную цель, или воля, направленная на осуществление ее более подходящими и избранными средствами. Это именно дух, пока еще бессознательный, распространенный повсюду в природе, произвел организацию протоплазмы; материю, общую всем живым существам; настоящую среду, где проявляется жизнь; физическую основу жизни. Именно духу протоплазма обязана той дивной организацией, которая дала ей возможность аккумулировать мировую жизнь, жизнь всеобщую и невидимую, жизнь, рассеянную в природе, а следовательно, явиться также аккумулятором и самого духа. Это опять-таки не кто иной, как дух, то есть воля, направленная на осуществление конечной цели, управляет тем удивительным механизмом, с помощью которого клетка, делясь, распадаясь на части, образует совокупность сначала одинаковых между собою клеток, а потом дифференцированных и группирующихся сообразно их стремлению к образованию органов. Опять-таки дух же достиг сооружения этого, вечно удивляющего

собой, здания, которое получило имя растения, дерева, животного или растительного организма» (Сабатье).

В самом деле, что такое самая материя? «Это что-то очень духовное», – говорит один ученый. Опираясь на чисто естественнонаучную точку зрения, можно сказать, что ее, в сущности, и нет. Возьмите любой сложный предмет – например, пудовую гирю. Какие свойства в нем реальны? Вес? Но вес есть выражение закона тяготения, выражение известного соотношения между планетами. Пуд на другой планете будет весить меньше. В центре Земли он потеряет свой вес совершенно. Цвет? Но он существует для нашего глаза, и только. Если бы наш глаз был совершеннее, мы бы видели движущиеся волны светового эфира, так что гиря растаяла бы на наших глазах, обратилась в систему «движений».

«Материя есть форма, принятая духом для осуществления конечной цели. Материя есть дух, сделавшийся осязательным для проявления аккумуляции и организации психологической силы, для прогрессивного развития души и нравственной личности. Уничтожьте материю – и дух останется в скрытом, неосязаемом виде, в состоянии диффузии. При помощи материи он проявляется, аккумулируется, организуется. Следовательно, материя есть форма, принятая духом для его собственной аккумуляции и организации». И вот, дух, мысль, живущая в мире, сотворила мозг как свой орган. Аксиома, что функция создает орган, а не орган функцию.

Но теперь – снова вопрос. Пусть сознание («душа») только записано в мозгу, как в фонограмме. Следует ли отсюда, что она будет жить вечно? Можно ли сказать, что мозг уничтожается – фонограмма распадается и пропадет мелодия? Умирает ли душа с мозгом, если даже считать ее тесно связанной с ним по своей природе и сущности? Ответ на этот вопрос станет понятнее, когда выяснится, что такое жизнь и что такое смерть организма, что значит «умереть».

«Жизнь на земле всякого организма, как определяет опытная наука, есть известного рода соотношение его с окружающей средой или, другими словами, приспособление организма к окружающему его миру. Мир внешний воздействует на организм то положительным, то отрицательным образом; если последний будет воспринимать первого рода воздействия и противодействовать вторым, он будет жить».

«Жизнь, – писал Спенсер, – это непрерывное приравнивание внутренних отношений к внешним. Таким образом, организмы стремятся к тому, чтобы установить с внешней средой состояние уравновешенности. Конечная цель всех жизненных действий, если рассматривать их не порознь, а в совокупности, состоит в уравновешении известных внешних процессов посредством известных внутренних» (Спенсер. Основные начала. С. 47).

Чем лучше организм приспособлен к окружающей его среде, то есть чем успешнее он может реагировать на все воздействия на него со стороны внешних сил, тем жизнь его будет продолжительнее и спокойнее. Если бы возможно было установить такое соотношение, при котором жизнь организма постоянно находилась бы в состоянии равновесия, организм был бы бессмертен. Даже Спенсер признает это положение. «Полное и совершенное соотношение, – утверждает он, – будет и совершенной жизнью. Если бы в окружающей среде были такие перемены, встречаться с которыми организм уже приспособился, причем перемены эти воздействовали бы на него всегда одинаково, то была бы вечная жизнь и вечное понимание».

Итак, жизнь есть соотношение с известной средой. Там, где соотношение уравновешенное, есть и жизнь; там, где этой уравновешенности нет, наступает смерть. По отношению к самому организму смерть означает, что его уравновешенность нарушена и не может уже более противостоять разрушению известной связи между составляющими его элементами. По отношению же к природе смерть отдельного организма означает лишь новое перераспределение соотношений между известными силами и материей, так как наука признает

неуничтожаемость всего, что только существует. Собственно смерти как полного уничтожения бытия нет и быть не может: материя не уничтожается, и энергия не умирает.

«О смерти нельзя говорить в общепринятом смысле, как о безусловном отсутствии жизни. Одно только бессмертие существует вообще и служит неотъемлемой принадлежностью того, что находится в природе. Смерть нельзя смешивать с уничтожением. То, что сотворено, то есть материя и сила, и что можно представить себе отдельно одно от другого лишь чисто умозрительно, – все это, с точки зрения науки, несокруσιμο. Но, если элементы несокрушимы, нельзя сказать того же самого по поводу отношений связи между ними, от которых зависят их группировки, соединения, форма. Эти соединения, эти способы группировки, эти формы могут изменяться и изменяются в действительности, чем и объясняются проявления обмена элементов, их размещение, соединение и разложение, которые составляют столь многочисленные перемены и преобразования в животном мире». Разрушение данной связи элементов материи или энергии есть смерть.

Но теперь попробуем перейти к мысли и сознанию. Здесь опять налицо элементы сознания и их известное соотношение со средой. Среда в ближайшем смысле есть материя мозга. Естественно элементы сознания считать неуничтожаемыми, как и всякие элементы. Если материальные элементы неуничтожаемы, то, очевидно, и духовные элементы человека, его душа, не подлежат разрушению и она, подобно силам и материи, имеет полную возможность вступить в иные связи и соединения, установить соотношения с другой средой, отличной от той, в которой она была доселе.

Отсюда можно сделать и дальнейший вывод: естественно думать, что элементы сознания будут стремиться встать в более тесное соотношение со сродными элементами или будут тяготеть к тому, чтобы сблизиться с духовными сознаниями. Это стремление и будет стремлением души к обособлению от элементов тела в отдельное бессмертное существование.

«Бессмертие» и есть не что иное, как стремление души выйти из условий, которые она по мере развития перерастает, и войти в сношение с более близкими ей средами – духовными. И здесь нет ничего неестественного, и странного, и невозможного, ведь в природе можно наблюдать или одни только материальные соотношения (например, в химии), или и материальные и духовные вместе (в человеческом организме). Почему же, спрашивается, не может быть и соотношения духовного с духовным?

Правда, для нас, живущих в известных материальных условиях, это новое соотношение представляется если и не невозможным, то, во всяком случае, крайне непонятным. Однако непонятность для нас некоторого предмета или явления – слишком недостаточный мотив для его отрицания. Очевидно, выход за пределы умопостижаемого не означает еще выхода за границы возможного. «Выйти за пределы того, что мы называем природой, не значит выйти за пределы всякой среды. Природа, естественная среда, есть только часть всего, что нас окружает. Существует еще громадная область, действительная и естественная, хотя многие люди утверждают, что никак не соотносятся с ней. Мир умственный и нравственный неведом растению, но он действителен. Нельзя также утверждать, что он неестественен для растения, хотя можно сказать, что, с точки зрения растительного мира, он сверхъестественен.

Все естественно или сверхъестественно в зависимости от положения. Человек сверхъестественен для минерала. Бог сверхъестественен для человека. Когда минеральные вещества усваиваются растением и возводятся им до органического мира, никакого нарушения законов природы не происходит. Они просто входят в соотношения с более обширной средой, которая до тех пор была для них сверхъестественной, а теперь стала вполне естественной. Когда Животворящий Дух Божий охватывает сердце человека, опять нет никакого нарушения законов природы. Это только как бы новый переход, вроде перехода неорганического в органическое» (Друммонд, с. 120–121).

Повторяем, для человеческого духа гораздо естественнее находиться во взаимоотношении с духовной средой, чем с материальной. Масло не смешивается с водой, потому что их природы слишком различны, но зато стоит только соединить проводом две электрические батареи, как моментально начинается течение электрического тока. Человек добрых навыков будет чувствовать себя отвратительно в обществе людей противоположных этических принципов, и наоборот: дурному человеку будет не по себе в чуждом для него кружке людей. Что наиболее предмету свойственно, то наиболее для него и естественно.

«Соотношение во всех случаях есть дар среды. Естественная среда дает людям естественные их способности, духовная дарует им их духовные способности. Для духовной среды вполне естественно восполнять духовные способности, и это было бы вполне неестественно для естественной среды. Последнее противно и естественному закону биогенезиса, и нравственному закону, ибо конечное не может вместить бесконечного, и, наконец, духовному закону, в силу которого плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия (1 Кор. 15, 50)» (Друммонд, с. 121.).

Но и этого мало. Известны факты, когда организм вступал в соотношение с новой средой, не только не свойственной его природе, но даже совершенно чуждой. Если возможны новые соотношения с несвойственной материальному телу средой, то представляется решительно непонятным, почему новые соотношения с родственной средой невозможны для духовной материи, для человеческой души.

«Эволюционисты рассказывают нам, что под влиянием среды некоторые водяные животные приспособились к жизни на земле. В результате, нормально дыша жабрами, они, в награду за свои постоянные усилия, дышат небесным воздухом; усилиями, делаемыми из поколения в поколение, приобретается постепенно свойство дышать легкими. В молодом организме, согласно со старым типом, жабры все еще остаются, как, например, у головастики, но, по мере наступления зрелого возраста, появляются настоящие легкие. Жабры постепенно передают свою задачу органу более развитому, а сами атрофируются и исчезают, так что дыхание у взрослых совершается исключительно при помощи легких. Мы не утверждаем, что эти наблюдения вполне доказательны, но могут ли люди, признающие их достоверность, отрицать их аналогию с духовной жизнью и не признавать научности учения религии о преображении человеческой души?

Может ли эволюционист, допускающий перерождение лягушки под влиянием постоянного сообщения с новой средой, отрицать возможность приобретения душой способности молиться, этого дивного дыхания новой твари, при ее постоянном соприкосновении с атмосферой, окружающей Бога? Разве этот переход от земного к небесному более таинственен, чем переход от жизни в воде к жизни на земле? Разве эволюция должна остановиться на органических формах?» (Друммонд, с. 129–130.).

Но оставим в стороне эти отвлеченные теории и возвратимся к вопросу, не состоит ли для души смерть именно в том, что она расстается со своей «здешней средой» – мозгом, его материей, и может ли она найти себе иную форму бытия – создать себе другой аккумулятор?

Душа наша, ее жизнь, становится независимой от двух факторов: связи с миром ощущений, с материалом, который дают органы чувств, и с материей мозга. Спросим себя прежде всего: насколько тесно связана жизнь души с внешним миром, с органами чувств и ощущениями? Эта связь далеко не абсолютна.

Доказательство тому, к примеру, – жизнь во сне. Представьте себе герметически закупоренную комнату, куда не проникает свет и не доходят звуки, и вы увидите во сне картины светового, зрительного характера. Что это значит? То, что мозг может жить и независимо от притока новых впечатлений. У него уже есть своя жизнь, запасенная, состоящая из того, что он уже приобрел. Если бы можно было совсем прекратить к нему доступ ощущений,

поддерживая питание мозга в определенной мере, человек тогда жил бы во сне и эта жизнь, в сущности, была бы едва ли менее реальна, чем наша повседневная.

Следовательно, духовная жизнь человека, его мысль, творчество и т. д. могли бы продолжаться, если бы даже его мозг был «освобожден» от внешнего мира и его ощущений. Возможно ли теперь освобождение мысли от мозга? Да, возможно. Теперь можно представить, что душа человеческая вместе с временным аккумулятором – мозгом – имеет или творит другой, более сложный, аккумулятор, который живет после того, как первый умер. Фонограмма обветшала, но, пока она старилась, мысль создала себе другую фонограмму – сложнее и тоньше.

Возьмите конденсатор или магнит. Сколько здесь факторов, или, вернее, «фактов наблюдения»? Ошибкой было бы сказать, что здесь мы имеем два «факта»: металл конденсатора и электричество (конденсатор) или железо и магнетизм (магнит). Нет. По известной теории, электричество создает себе в конденсаторе или магните нечто третье – электрическое поле.

Такого рода «третье» есть и в человеке. Сознание, аккумулируясь в мозге, создает или имеет здесь свою среду – фонограмму в фонограмме. Эта среда есть душа. Она вечна.

Итак, сгруппируем аргументы. Не нужно забывать, что душа – это «группа», а не сумма мыслей, чувств и т. д. Мы знаем, что цепной червь (солитер) состоит из ряда, в сущности, совершенно самостоятельных звеньев: если отделить одну, другие части и не почувствуют, и не узнают. Но в организме более сложном все части неразрывно связаны. Организм есть нечто крепко сцепленное в своих элементах, и жизнь одной клеточки находит отзвук во всех, болезнь одной в той или другой мере – болезнь всего организма.

Душа есть организм. Здесь все связано. Отнимите часть мозга – «я» осознает себя все же как «я». Душа не потеряет суммы своего духовного содержания и быстро восполнит потерянные части мозга для сохранившихся целыми идей. Повреждение части мозга – потеря определенной суммы клеточек – не изменяет сознания, не изменяет даже его состава, не отнимает ничего из суммы его духовного богатства, так что, очевидно, содержание каждой мозговой клеточки, если можно так выразиться, связано и повторено в других клеточках и в них живет. Но если так, то, освободившись от мозга, психические элементы должны жить вместе – в группе.

Как это происходит? Ответим. Динамическая группа, комплекс мыслей, чувств и т. д., прочна, только пока связана с мозгом. В мозге она, очевидно, имеет свою форму, свою оболочку не такого осязательного характера, как материя мозга. Если бы жизнь мысли была тождественна жизни мозга, то единственной формой сообщения мысли был бы язык. Мозг не может «выступать» из себя, и мысль, если она в мозге, должна сначала дать сигнал органу речи или жесту, чтобы слово или символ передали мысль другому.

Но мы имеем факты деятельности мысли на расстоянии, факты воздействия воли на волю через пространство. Вдумайтесь в этот факт, и вы придете к заключению, что дух, имея другую среду, кроме мозга, по свойствам этой тонкой динамической, а не материальной среды, может выступать вовне, как волны, форма движения, сила.

Соединяя обе мысли, мы приходим к следующему выводу. Так как мозг – только внешняя фонограмма нашей «душевной» мелодии и для этой мелодии есть уже другая форма воплощения, то смерть мозга не есть смерть души; а так как элементы духа связаны в группы души, то и будучи выражены помимо мозга, они будут существовать не как элементы, а как группа, как «душа» – личное сознание.

Проиллюстрирую это примером, пока придавая ему значение поэтического образа, а не научного аргумента. Известны рассказы об электрических шарах, например: «Голубой шар – искра большой грозовой тучи – скользнула по мачте, опустилась вниз, излучая голубое сияние, и вдруг разразилась группой искр». Как определить характер этого явления?

Шар – это, очевидно, конденсатор электричества, но конденсатор не той материи, в какой мы привыкли мыслить конденсатор. Это конденсатор неизвестной нам структуры, более тонкой, чем шар, электрической машины, или даже шар грозовой тучи. Хочется сказать, что здесь нет собственно материи, а воплотилась в чистом виде сила электричества.

Теперь перейдем к душе. Мы видим, что каждая клеточка сознания освобождается вместе со всеми другими в группе и в обстановке той эфирной среды, которая стоит между мозгом и сознанием. А это значит, что душа освобождается в группе в виде «голубого шара эфирной среды». Последние наши слова носят, конечно, характер поэтической метафоры.

Переводя вышесказанное на язык данной статьи, приходим к скромному выводу: мысль имеет, кроме мозга, второй аккумулятор – душу. Этот новый аккумулятор также должен состоять из того, что мы называем материей души человека, не абсолютно духовной, но более свободной, более легкой, отличающейся более координированным, более гармоничным строением, чем обычная материя.

Откуда же она возьмет свое начало? Так как этот аккумулятор должен быть результатом психического действия, то он может организоваться именно там, где находится психический аккумуляторный центр, то есть в том месте, где находится личность, – словом, в нервных центрах. Вот где должен образоваться, по крайней мере, зародыш нового организма.

Такой взгляд несколько не противоречит наблюдению. Потому что если глаз наблюдателя и не может обнаружить присутствия внутри мозга этого нового организма, тонкого, легкого, нежного, то, во всяком случае, факты дают нам право догадываться, если не быть уверенными в том, что осязаемая весома материя проникнута материей неосязаемой и невесомой. И в конденсаторе мы не можем установить распространенной между металлом и «силой» среды.

«Я сравнил бы бессмертную личность, чьи высшие проявления подавлены и заглушены испортившимся и разлагающимся организмом, с куколкой насекомого, под неподвижной и негибкой оболочкой которой образуется уже новый мускульный аппарат, обреченный в течение некоторого времени на неподвижность; органы новых чувств, деятельность которых пока еще незаметна и груба; новый пищевой аппарат, не начавший еще функционировать; новая система дыхательных органов, которая может развернуться и действовать лишь несовершенным образом.

Старый и первичный организм почти совершенно изменился и разрушился, а другой занял его место, но проявления этого последнего подавлены и обречены на молчание. Между тем, органическая жизнь совершенного насекомого пребывает здесь во всей своей силе и ждет лишь момента, чтобы проявиться. И она действительно проявится, как только остатки прежнего организма будут уничтожены и стесняющая, препятствующая оболочка будет разорвана и отброшена.

Точно так же и бессмертная личность могла бы в день смерти тела сбросить с себя ветхую, изношенную оболочку для того, чтобы вступить со своим новым и более совершенным организмом в свободную и яркую лучезарность эфирной жизни. Эта аналогия не кажется мне натянутой, но в ней можно найти некоторые элементы ответа на поставленный нами вопрос, решение которого в высшей степени трудно, так как на пути, ведущем к нему, мы положительно лишены света и принуждены пользоваться лишь скромным созерцанием» (Сабатье).

До сих пор мы доказывали, что освобождение мысли от мозга допустимо. Теперь прибавим: это освобождение следует считать фактом. Не только обыденная жизнь, но даже и наука признала факты взаимодействия двух или более личностей независимо от условий пространства и даже времени.

Кому не известны случаи, когда человек духом, так сказать, узнает о том, что с дорогим, близким ему лицом, находящимся от него иногда за тысячи верст, произошло несчастье, и

узнает именно в тот момент, когда это случилось? Не так давно собиранием сведений обо всех таких явлениях занялся известный астроном К. Фламарион. Записанные им факты в переводе на русский язык печатались потом в «Вестнике иностранной литературы».

Если придавать этим фактам серьезное значение, то они, бесспорно, доказывают наши тезисы, но мы воздержимся от ссылки на них.

Возьмите даже тот всем известный факт, что у многих людей перед смертью, когда кровь испортилась, нарушилось пищеварение, когда нервная система вынуждена работать при самых дурных условиях, после онемения и даже расстройства психики происходит пробуждение, мысль проясняется и оживает, а из уст умирающего раздаются ясные речи, выражающие удивительно высоконравственные мысли. Или факт, что человек перед смертью вдруг, в один момент, переживает все прошлое. Оцените это.

«Этот быстрый переход к свету от мрака, к порядку от беспорядка, к деятельности от полного ее упадка, в то время как органические и жизненные условия мозга должны были скорее сделаться хуже, чем улучшиться, потому что обмирание распространяется все дальше и приближается смерть, этот переход может быть объяснен лишь с большим трудом. Можно предположить, что в этот момент духовный организм начинает отделяться от связей с земным организмом и сохраняет с ним лишь часть отношений, необходимых для своего проявления».

На этом мы и заканчиваем наш очерк. Мы старались все время держаться области фактов и данных, сообщаемых опытной наукой. Мы ни разу не привели в подтверждение того или иного положения цитат из Священного Писания и думаем, что от этого дело не проигрывает, а, напротив, выиграет, так как устраняется мысль о какой-либо предубежденности».

Думается, что и из тех кратких и отрывочных мыслей, изложенных в приведенной лекции, можно вынести убеждение в том, что естествознание не только не отрицает возможности бессмертия, а скорее ее предполагает. Во всяком случае, жажда жизни и отвращение к смерти, наблюдаемые у всех живых существ, не являются чем-то случайным, взятым напрокат, а, наоборот, исполнены глубокого смысла. Жизненное начало, или дух, бесконечны уже потому, что бесконечен мир, бесконечна Вселенная. С Земли, с этой маленькой, затерявшейся в бесконечной Вселенной планеты, человек видит Солнце, которое своими живоительно-благотворными лучами развивает и укрепляет на Земле жизнь как в животном, так и в растительном. Человек изобретает телескопы и с их помощью открывает новые бесконечные миры Вселенной, многочисленные планетные системы наподобие нашей Солнечной. Безгранична и необъятна Вселенная миров. И миры эти – воплощение жизни. Жизнь бесконечна.

Выше мы сказали, что дух бесконечен уже потому, что бесконечна Вселенная. Теперь скажем: а сама Вселенная бесконечна потому, что бесконечен жизненный дух, носителем которого она является.

Вселенная бесконечна, но не сама по себе: материя не может быть самостоятельным бытием. Ибо материя существует лишь постольку, поскольку в ней проявляются те или другие силы. Даже неорганическая материя, и та обладает известными силами – вернее, подчиняется им. Так, камень – предмет неорганической материи – будучи поставлен в благоприятные условия, сам начинает движение, например при действии закона тяготения. И потому даже за неодушевленной, косной материей скрываются живые силы. Материальный мир – это продукт живых сил, гармонично действующих во Вселенной. И бездушное словосочетание «закон природы» предполагает именно эти силы Вселенной.

«Законы природы», «силы вселенной», на которых покоится мировая жизнь, уже по существу не могут находиться в причинной зависимости по отношению к материи. Они должны зависеть от другого начала, бесконечного не в множественности своей, а именно в единстве, от начала творческого, вечного. Вечный Дух – вот начало мира и его бесконечно-

сти. Пройдут времена. Одни миры уступят место другим. Погаснет жизнь на нашей планете. И только Дух будет жить вечно.

Итак, мы утверждаем, что закон сохранения энергии, в сущности, – ложь, если не признать бессмертия души.

Морозов пробыл двадцать лет в Шлиссельбургской крепости. Это двадцать лет кипучей работы мысли. И вот, допустим, он умер, а его мысль не была записана или передана. Куда же делась та сумма энергии, которая ушла на работу его мозга из мысли? Ведь чисто физически на его мысль потрачена огромная масса энергии. Он умер, и из его мозга вырос лопух, как из мозга Базарова? Материя не исчезла и преобразовалась. А мысль, энергия? Она исчезла, но значит ли это, что энергия исчезает в никуда?

Нет, мы верим, что души вечны и сознание, та динамическая группа, которая зовется душой, освободившись от мозга, растет, живет. Это требование эволюции.

Многие тысячи лет нужны были земле, чтобы из паров и каления отложить твердые основы, чтобы на них могла развиваться растительная и животная жизнь, чтобы, мало-помалу, от самых слабых, еле видных зачатков жизненной индивидуальности в какой-нибудь зооспоре, развилась личность, индивидуальность в других высших организмах, чтобы, наконец, появился в шестой день человек – венец творения, высшее, пока что, слово Его – самая полная индивидуальность. С появлением человека, высшего индивидуума, возникли на земле ум, мысль в действительном их значении и со всеми необычайно великими, дурными и хорошими последствиями. В человеке достигло кульминационного или, правильнее сказать, высшего пункта (ибо кульминация предполагает обратное вслед за тем движение – развитие вниз, для чего мы в данном случае не имеем ни малейшего научного основания) развитие индивидуума, характерной особенностью которого являются все его бестелесные особенности, то есть то, что называется душой.

Начатки, первообразы этих способностей, как известно, имеются также в низших животных: в инфузориях, монадах, зооспорах, амебах, достигают значительного развития в высших животных, но последним, высшим, словом этого развития является индивидуальная, непременно индивидуальная, душа человека. До души животных, сказывающейся иногда даже с поразительной интенсивностью, нам нет никакого дела, ибо мы должны говорить только о высшем, о том, что имеется налицо, что, следовательно, подлежит дальнейшему развитию. А этого дальнейшего развития из низшей формы скачком в высшую, минуя среднюю, мы никоим образом допустить не можем, не противореча общему ходу развития бытия во всей его тысячелетней последовательности. Выше человеческой души до сего дня не произведено ничего, и по существу своему такая душа, как сказано, должна быть непременно индивидуальна.

А теперь скажите сами: может ли быть так, чтобы творение, постоянно развиваясь, с трудом и необычайными усилиями вырабатывая на основании непреложных законов высшую форму – душу человека, – сразу обрывалось смертью этого «индивидуума», уничтожением того, на создание чего потребовалось столько сил и времени? Ведь всегда и везде природа сохраняла, сберегала высшую из выработанных форм бытия, чтобы от нее идти дальше, а тут, на самой высшей форме, вдруг, ни с того, ни с сего, она отступает от этого тысячелетиями соблюдавшегося закона и умерщвляет ее!

Одно из двух: или все земное бытие – не что иное как безумие, ирония, мыльный пузырь (но тогда зачем же предвечные, несомненные, непреклонные, математически точные законы мироздания? Зачем вся эта обстановка строгой логичности? Для надувательства кого-то, для какого-то важного, триумфального законного шествия в глупейшее ничто?), или наоборот, если законы – не шутка, если жизнь действительно логична и развитие в известном направлении – ее суть, тогда признайте в гибели единоличной души человека, то есть высшего индивидуума, совершеннейшую невозможность, полное отрицание всей осталь-

ной жизни, всех несомненных законов бытия, какой-то невероятный, беспричинный скачок по направлению, совершенно противоположному всему движению бытия! Но, признав невозможность гибели души – что будет совершенно правильно, – предоставьте же ей, в силу сохранения однажды выработанных, улучшенных форм, дальнейшее развитие, то есть загробную жизнь...

Грибановский М.М. (архиеп.). Бессмертна ли душа? – М., 2003.

В объективе – отлетающая душа

Физик исследовал порог между тем и этим светом

К празднованию столетия со дня смерти Николая Васильевича Гоголя советское правительство задумало устроить пышное перезахоронение классика, в связи с чем была произведена эксгумация. Когда вскрыли гроб, с изумлением обнаружили, что скелет лежит на боку. Христианская традиция исключает подобное трупоположение. Страдавший психическим расстройством Гоголь невольно ввел врачей в заблуждение: он уснул, а не умер, хотя при этом остановилось сердцебиение, остекленели зрачки, остыло тело...

Проблема достоверной фиксации прекращения жизни по-прежнему остра. Никто, строго говоря, не застрахован от того, что хуже смерти, – пробуждения в закрытом гробу.

О бессмертии души, о выходе ее из обездвиженного мертвого тела написаны трактаты древних цивилизаций, сложены мифы и канонические религиозные учения, но, увы, до сих пор не получено доказательств методами точных наук. Похоже, этого удалось добиться петербургскому ученому, кандидату физико-математических наук Константину Короткову. Если его экспериментальные данные и построенная на их основе гипотеза о выходе тонкого тела из умершего физического будут подтверждены исследованиями других ученых, возможно, религия и наука, наконец, сойдутся на том, что жизнь человека не завершается с последним выдохом.

Светограмма смерти

– Константин Георгиевич, то, что вы сделали, и невероятно, и одновременно естественно. Всякий разумный человек в той или иной мере верит или хотя бы втайне надеется на то, что его душа бессмертна. “Не верит в бессмертие души, – писал Лев Толстой, – лишь тот, кто никогда серьезно не думал о смерти”. Однако наука, половине человечества заменившая Бога, вроде бы не дает повода для оптимизма. Так что сделан долгожданный прорыв: перед нами забрезжил свет вечной жизни в конце тоннеля, которого никому не миновать?

– Я бы воздержался от столь категоричных утверждений. Проведенные мной эксперименты – скорее, повод для других исследователей точными методами нащупать порог между земным существованием человека и загробной жизнью души. Насколько односторонен переход через этот порог? В какой момент еще возможно возвращение? – вопрос не только теоретический и философский, но и ключевой в повседневной практике врачей-реаниматологов: им чрезвычайно важно получить отчетливый критерий перехода организма за порог земного существования.

– Вы отважились целью своих экспериментов сделать ответ на вопрос, которым прежде себя озадачивали лишь теософы, эзотерики и мистики. Какой же арсенал современной науки позволил вам в такой форме поставить задачу?

– Мои эксперименты стали возможны благодаря методу, созданному в России больше столетия назад. Он был забыт, а в 20-х годах вновь возрожден изобретателями из Краснодара, супругами Кирлиан. В электромагнитном поле высокой напряженности вокруг живого объекта, будь то зеленый лист или палец, возникает лучистое свечение. Причем характеристики этого свечения напрямую зависят от состояния энергетики объекта. Вокруг пальца человека здорового, жизнерадостного свечение яркое и ровное. Любые расстройства организма – что принципиально важно, не только уже выявленные, но и грядущие, еще не про-

явленные в органах и системах, – разрывают светящийся ореол, деформируют его и делают более тусклым. Уже формируется специальное диагностическое направление в медицине, позволяющее по неоднородностям, кавернам и затемнениям на кирлиан-снимке делать актуальные заключения о приближающихся болезнях. Немецкий доктор П. Мандель, обработав огромный статистический материал, даже создал атлас, в котором различным особенностям свечения соответствуют определенные погрешности состояния организма.

Так вот, двадцать лет работы с эффектом Кирлиан подтолкнули меня к идее посмотреть, как меняется свечение вокруг живой материи по мере того, как она становится неживой.

– Неужели вы, подобно академику Павлову, который диктовал ученикам дневник собственной смерти, фотографировали процесс умирания?

– Нет, я поступил иначе: стал исследовать с помощью кирлиан-фотографий тела только что умерших людей. Через один-три часа после смерти неподвижно зафиксированная кисть покойного ежечасно фотографировалась в газоразрядной вспышке. Потом снимки обрабатывались на компьютере с тем, чтобы определить изменение интересующих параметров во времени. Съемка каждого объекта велась от трех до пяти дней. Возраст умерших мужчин и женщин колебался от 19 до 70 лет, характер смерти у них был различным.

И это, как ни покажется кому-то странным, отразилось на снимках.

Множество полученных газоразрядных кривых естественным образом разбилось на три группы:

- а) относительно небольшая амплитуда колебаний кривых;
- б) тоже небольшая амплитуда, но имеется один хорошо выраженный пик;
- в) большая амплитуда очень продолжительных колебаний.

Это различия чисто физические, и я бы не стал вам о них упоминать, если бы изменения параметров не увязывались так отчетливо с характером смерти фотографируемых. А такой взаимосвязи у танатологов – исследователей процесса умирания живых организмов – никогда прежде не было.

Вот чем отличалась смерть людей из трех названных выше групп:

- а) “спокойная”, естественная смерть старческого организма, выработавшего свой жизненный ресурс;
- б) “резкая” смерть – тоже естественная, но все-таки случайная: в результате несчастного случая, тромба, черепно-мозговой травмы, не вовремя подоспевшей помощи;
- в) “неожиданная” смерть, внезапная, трагическая, которой, сложись обстоятельства более счастливо, можно было бы избежать; к этой же группе относятся самоубийства.

Вот он, совершенно новый для науки материал: характер ухода из жизни в буквальном смысле слова высвечивается на приборах.

Самое поразительное в полученных результатах – то, что колебательные процессы, в которых подъемы чередуются со спадами в течение нескольких часов, характерны для объектов с активной жизнедеятельностью. А я-то фотографировал умерших. Значит, принципиального отличия мертвых от живых при кирлиан-фотографировании нет! Но тогда и сама смерть – не обрыв, не мгновенное событие, а процесс постепенный, медленный переход. Это еще предстоит перепроверить и осмыслить.

Чистилище на дисплее?

– И сколько же времени длится этот переход?

– В том-то и дело, что длительность в разных группах тоже различна:

- а) “спокойная” смерть обнаружила в моих экспериментах колебания параметров свечения на протяжении от 16 до 55 часов;

б) “резкая” смерть приводит к видимому скачку либо через 8 часов, либо в конце первых суток, а через двое суток после смерти колебания сходят к фоновому уровню;

в) при “неожиданной” смерти колебания наиболее сильны и длительны, их амплитуда уменьшается от начала к концу эксперимента, свечение тускнеет в конце первых суток и особенно резко – в конце вторых; кроме того, каждый вечер после девяти и примерно до двух-трех часов ночи наблюдаются всплески интенсивности свечения.

– Ну просто какой-то научно-мистический триллер получается: по ночам мертвецы оживают!

– Легенды, обычаи, даже предрассудки, связанные с покойниками, обретают неожиданное экспериментальное подтверждение.

Кто бы знал, что это за рубеж – сутки после наступления смерти, двое суток? Но раз эти интервалы читаются на моих диаграммах, значит, что-то им соответствует.

– А девять и сорок дней после смерти – особо значимые интервалы в христианстве (или семь и тридцать дней в иудаизме) – как-то у вас выявлены?

– Я не имел возможности ставить столь длительные эксперименты. Но убежден, что срок от трех до 49 дней после смерти – ответственный для души умершего период, отмеченный ее расставанием с телом. То ли она путешествует в это время между двумя мирами, то ли Высший Разум решает ее дальнейшую судьбу, то ли душа пребывает в чистилище (или проходит круги мытарств) – различные вероучения и оккультные представления описывают разные нюансы одного и того же, по-видимому, процесса, который отобразился и на наших компьютерах.

– Значит, посмертная жизнь души доказана научно?

– Поймите меня правильно. Я получил экспериментальные данные, использовал для этого метрологически проверенную аппаратуру, стандартизированные методики, обработку данных проводили на разных этапах разные операторы, я позаботился о том, чтобы доказать отсутствие влияния метеорологических условий на работу приборов... То есть я сделал все зависящее от добросовестного экспериментатора, чтобы результаты оказались максимально объективны. Оставаясь в рамках западной научной парадигмы, я в принципе должен избегать упоминаний о душе или отделении астрального тела от физического: это понятия, органичные для оккультно-мистических учений восточной науки. И хотя, как мы помним, “Запад есть Запад, а Восток есть Восток, и вместе им не сойтись”, но вот они сходятся в моих исследованиях. Если же говорить о научной доказанности загробной жизни, неизбежно придется уточнять, западную или восточную науку мы имеем в виду.

– Может, как раз такие исследования и призваны объединить две науки?

– Мы вправе надеяться, что в конце концов так и произойдет. Тем более что древние трактаты человечества о переходе от жизни к смерти принципиально совпадают у мудрецов Древнего Египта и Тибета, эллинов и тольтеков, христиан и буддистов.

Поскольку живое тело и тело недавно умершего очень близки по характеристикам газоразрядного свечения, не совсем понятно, что же такое смерть. В то же время я специально проводил цикл подобных экспериментов с мясом – как свежим, так и замороженным. Никаких колебаний в свечении этих объектов не отмечалось.

Выходит, тело человека, умершего несколько часов или дней назад, гораздо ближе к живому телу, чем к мясу. Скажите это патологоанатому – думаю, он удивится.

Как видно, энергоинформационная структура человека не менее реальна, чем его материальное тело. Эти две ипостаси связаны между собой в течение жизни человека и разрывают эту связь после смерти не сразу, а постепенно, по определенным законам. И если неподвижное тело с остановленным дыханием и сердцебиением, неработающим мозгом мы признаем мертвым, это вовсе не означает, что мертво астральное тело.

Более того, разделение тел астрального и физического способно несколько разводить их в пространстве.

– Ну вот уже мы договорились до фантомов и призраков.

– Что делать, в нашей беседе это не фольклорные или мистические образы, а зафиксированная приборами реальность.

Под взыскующим взглядом двойника

– Неужели вы намекаете на то, что мертвец лежит на столе, а его мерцающий призрак обходит оставленный умершим дом?

– Не намекаю, а говорю об этом с ответственностью ученого и непосредственного участника экспериментов.

В первую же экспериментальную ночь я почувствовал присутствие некой сущности. Оказалось, для врачей-патологоанатомов и санитаров морга это привычная реальность.

Периодически спускаясь в подвал для замеров параметров (а именно там проводились эксперименты), в первую ночь я испытал безумный приступ страха. Для меня, закаленного в экстремальных ситуациях охотника и альпиниста со стажем, страх не самое характерное состояние. Усилием воли я пытался его перебороть. Но в этом случае не получалось. Страх улегся только с наступлением утра. И во вторую ночь было страшно, и в третью, но при повторениях страх постепенно ослабевал.

Анализируя причину своего испуга, я понял, что она объективна. Когда, спускаясь в подвал, я направлялся к объекту исследований, еще не дойдя до него, явственно ощущал на себе взгляд. Чей? В комнате, кроме меня и покойника, – никого. Направленный на себя взгляд ощущает всякий. Обычно, обернувшись, встречает чьи-то устремленные на него глаза. В данном случае взгляд был, а глаз не было. Перемещаясь то ближе к каталке с телом, то дальше от нее, я опытным путем установил, что источник взгляда находится метрах в пяти-семи от тела. Причем всякий раз ловил себя на ощущении, что невидимый наблюдатель находится здесь по праву, а я – по собственному произволу.

Обычно работа, связанная с периодическими замерами, требовала нахождения вблизи тела порядка двадцати минут. За это время я сильно уставал, причем сама работа не могла вызвать этой усталости. Повторные ощущения того же толка натолкнули на мысль о закономерной потере энергии в подвале.

– Фантом мертвеца отсасывал вашу энергию?

– Не только мою. С моими помощниками происходило то же самое, что лишь подтверждало неслучайность моих ощущений. Хуже того, врач экспериментальной группы – опытный профессионал, много лет производивший вскрытие трупов, – в нашей работе задел обломок кости, порвал перчатку, но не заметил царапины, а на другой день был увезен “скорой” с заражением крови.

Что за внезапный прокол? Как он мне потом признался, впервые врачу-патологоанатому пришлось находиться возле трупов подолгу, причем по ночам. Ночью сильней усталость, слабей бдительность. Но помимо этого, как мы теперь достоверно знаем, и выше активность мертвого тела, особенно если это самоубийца.

Правда, я не сторонник взгляда, что мертвые отсасывают энергию у живых. Возможно, процесс не столь однозначен. Тело недавно умершего находится в сложном состоянии перехода от жизни к смерти. Идет еще нам не известный процесс перетекания энергии от тела в иной мир. Попадание другого человека в зону этого энергетического процесса может быть чревато поражениями его энергоинформационной структуры.

– Поэтому покойного отпевают?

– Должно быть, в отпевании, молитвах о душе новопреставленного, в только добрых словах и мыслях о нем заложен глубокий смысл, до которого рациональная наука еще не добралась. Душе, совершающей трудный переход, следует помогать. Если же мы вторгаемся в ее владения, пусть даже с простительными, как нам кажется, исследовательскими целями, – видимо, подвергаем себя неизученной, хотя интуитивно угадываемой, опасности.

– И нежелание церкви хоронить самоубийц в освященной земле подтверждается вашими исследованиями?

– Да, возможно, те бурные колебания в первые двое суток после добровольного ухода из жизни, что зафиксировали наши компьютеры, обсчитывая кирлиан-фотографии самоубийцы, подводят рациональную базу под этот обычай. Ведь мы пока ничего не знаем, что потом происходит с душами умерших и как они между собой взаимодействуют.

Но наш вывод об отсутствии осязаемого рубежа между жизнью и смертью (по данным проведенных экспериментов) позволяет предположить истинность суждения о том, что душа после смерти тела продолжает в загробном мире ту же судьбу того же самого, живущего в иной реальности, человека.

Кашницкий С., «Московский Комсомолец» от 14.10.2003

Глава 2

Пережившие смерть

Частица вечности

*Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны, —
Клянусь! Давно бы я оставил мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир.
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет
предрассуждений,
Где мысль одна плывет в небесной чистоте...
Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...*

А.С. Пушкин

Каждый человек рано или поздно задает себе вопрос: что будет после физической смерти? Все кончится с последним вздохом или за порогом жизни будет существовать душа? И вот вслед за отменой партийного надзора за процессом познания стала появляться научная информация, доказывающая, что человек обладает бессмертным сознанием. Так у наших современников, закомплексованных на «основном вопросе философии», похоже, появился реальный шанс завершить земной путь без страха небытия.

Изучается...смерть!

В 1926 году член королевского географического общества сэр Вильям Баррет издал печатный труд о видениях умирающих. По собранным в нем сведениям широкая общественность узнала, что перед смертью люди наблюдают другие миры, слышат музыку и часто видят умерших родственников.

Но только в начале 70-х годов XX века американский профессор философии и психологии, доктор медицины Раймонд Моуди стал одним из первых врачей-профессионалов, взявшихся за исследование малоизвестного явления, которое было названо им «почти смертельный опыт». По результатам исследований, ученый опубликовал в 1975 году книгу «Жизнь после жизни». Сразу после выхода в свет она стала бестселлером. Достаточно сказать, что до конца 1999 года было продано более трех миллионов экземпляров этого издания. Изложенные в ней факты коренным образом изменяют все прежние представления о смерти человека.

В книге проанализированы ощущения 150 несчастных, оказавшихся в состоянии клинической смерти. Напомним читателю, что клиническая смерть является обратимым этапом умирания, который протекает в течение нескольких минут прекращения кровообращения и дыхания. Продолжительность пребывания человека в этом состоянии при нормальной температуре тела обычно не превышает 8 минут, в условиях охлаждения может несколько удлиниться. При проведении реанимационных (лат. re – снова + animatio – оживление) мероприятий человека можно вывести из состояния клинической смерти и вернуть к жизни.

Раймонд Моуди установил, что в околосмертном состоянии человек испытывает умиротворение, ощущает выход из тела, полет внутри «тоннеля», приближение к источнику света и многое другое.

Печатный труд американца дал импульс дальнейшим последователям в этом направлении.

Конечно же, ученые пытались научно объяснить феномен. Как выяснилось, не только умирающие испытывают подобную гамму переживаний. Аналогичные видения присущи, например, наркоманам после приема ЛСД, людям, занимающимся медитацией, больным эпилепсией. Они не находились в объятиях смерти, но видели тоннель и в конце его – свет.

Известный американский исследователь, председатель Международной ассоциации трансперсональной психологии, доктор медицины Станислав Гроф и Джонна Халифакс выдвинули гипотезу: полет уходящего из жизни через тоннель – не что иное как «воспоминание» о первых мгновениях появления на свет. Иными словами, это движение младенца по родовому каналу при рождении. Яркий свет в конце – это свет мира, в который попадает маленький человек.

Другое предположение высказал нейробиолог Джек Кован. По мнению исследователя, видения тоннеля у умирающих вызывают участки коры головного мозга, которые отвечают за обработку зрительной информации. Эффект головокружительного полета сквозь трубу появляется тогда, когда клетки мозга погибают от дефицита кислорода. В это время в так называемой зрительной коре головного мозга возникают волны возбуждения. Они представляют собой концентрические круги и воспринимаются человеком как полет через тоннель.

В конце 90-х годов исследователям из Бристольского университета удалось смоделировать на компьютере процесс умирания зрительных клеток головного мозга. Было установлено, что в этот момент в сознании человека каждый раз возникает картина движущегося тоннеля. Так Сьюзан Блэкмор и Том Просьянко подтвердили гипотезу Д. Кована.

Есть также теории, что «посмертные» видения вызваны страхом приближающейся смерти или действием лекарственных средств, вводимых больному.

И все же, несмотря на упорные попытки ученых разобраться в феномене, ряд явлений не имеет ответа. Действительно, как, например, объяснить то, что человек, находясь в бессознательном состоянии, способен видеть, что происходит вокруг него? По свидетельству ряда врачей-реаниматологов, нередко пациенты, вернувшиеся с «того света», подробно рассказывали, какие действия производили медики с их безжизненными телами и даже то, что имело место быть в это время в соседних палатах. Чем объяснить невероятные видения? Ответа на данный вопрос наука дать не могла.

Посмертное сознание – не вымысел!

И вот, наконец, сенсация. В начале 2001 года было опубликовано исследование, проведенное Питером Фенвиком из Лондонского института психиатрии и Сэмом Парина из Центральной клиники Саутгемптона. Учеными были получены неопровержимые доказательства того, что сознание человека не зависит от деятельности головного мозга и продолжает жить, когда все процессы в мозге уже прекратились.

В рамках научной работы экспериментаторы изучили истории болезней и лично опросили 63 кардиологических больных, переживших клиническую смерть.

Оказалось, что 56 вернувшихся с того света не помнят ничего. Они потеряли сознание, и пришли в себя на больничной койке. Однако у семерых сохранились отчетливые воспоминания о том, что они испытали в период клинической смерти. Четверо утверждают, что ими овладело чувство покоя и радости, время побежало быстрее, ощущение своего тела исчезло, настроение стало приподнятым, даже возвышенным. Затем возник яркий свет, свидетель-

ствующий о переходе в иной мир. Чуть позже появились мифические существа, похожие на ангелов или святых. Все опрошенные находились какое-то время в ином мире, а затем вернулись к действительности.

Следует заметить, что эти больные вовсе не были набожными людьми. Например, трое признались, что церковь вообще не посещают. Таким образом, объяснить подобные рассказы религиозным фанатизмом не получается.

Но сенсационным в исследованиях британских ученых было совсем другое. Скрупулезно изучив медицинскую документацию оживленных, врачи вынесли вердикт: традиционное представление о прекращении работы мозга из-за дефицита кислорода ошибочно. Ни у одного побывавшего в состоянии клинической смерти не было зафиксировано существенного снижения содержания живительного газа в тканях центральной нервной системы.

Отброшена была и другая гипотеза: будто видения могут быть вызваны нерациональной комбинацией медикаментов, применяемых при реанимации. Все делалось строго по стандарту.

Сэм Парина утверждает, что приступал к исследованиям, будучи скептиком, но сейчас убежден на все сто: «тут что-то есть». «Наши пациенты переживали свои удивительные состояния в тот момент, когда мозг уже не мог функционировать и поэтому был не способен воспроизводить какие-либо воспоминания». По мнению исследователя, сознание человека не является функцией мозга. А коль это так, говорит Питер Фенвик, «сознание вполне может продолжать свое существование и после физической смерти тела».

«Когда мы исследуем мозг, – пишет Сэм Парина, – то ясно видим: клетки серого вещества по своему строению в принципе не отличаются от остальных клеток организма. Они так же вырабатывают белок и другие химические вещества, но они не могут создавать субъективные мысли и образы, которые мы определяем как человеческое сознание. В конце концов, наш мозг нужен нам лишь в качестве приемника-преобразователя. Он работает как своего рода «живой телевизор»: сначала воспринимает волны, которые в него попадают, а потом преобразуют их в изображение и звук, из которых складываются целостные картины».

Позже, в декабре 2001 года, трое голландских ученых из госпиталя Рийенстэйт под руководством Пима Ван Ломмеля провели самое масштабное на сегодняшний день исследование людей, переживших клиническую смерть. Результаты его были опубликованы в статье «Околосмертельный опыт выживших после остановки сердца: целенаправленное изучение специально сформированной группы в Нидерландах» в британском медицинском журнале «Ланцет». Голландские ученые пришли к тем же выводам, что и их английские коллеги из Саутгемптона.

Опираясь на статистические данные, полученные за десятилетний период, ученые установили: видения посещают далеко не каждого человека, пережившего клиническую смерть. Только 62 человека (18 %) из 344, перенесших 509 реанимаций, сохранили четкие воспоминания о том, что они испытали в период между временной смертью и «воскрешением».

В период клинической смерти больше половины обследуемых испытали положительные эмоции. Осознание факта собственной смерти отмечалось в 50 % случаев. В 32 % так называемого почти смертельного опыта происходили встречи с умершими людьми. О полете сквозь тоннель рассказывала треть умиравших. Картины инопланетного ландшафта видели почти столько же респондентов. Феномены внетелесного опыта (когда человек видит себя со стороны) испытали 24 % возвращенных к жизни. Ослепительную вспышку света фиксировали такое же число опрошенных. В 13 % случаев люди наблюдали несущиеся чередой картины прошедшей жизни. Рассказывали о том, что видели границу между миром живых и мертвых, менее десяти процентов людей. Ни один из побывавших на том свете не сообщил об устрашающих или неприятных ощущениях. Особо впечатляет то, что о визуальных

впечатлениях рассказывали слепые от рождения люди, они буквально дословно повторяли повествования зрячих.

Небезынтересно отметить, что несколько раньше американский исследователь доктор Ринг сделал попытку выяснить содержание предсмертных видений слепых. Он совместно с коллегой Шэрон Купер записал свидетельства 18 человек, слепых от рождения, которые по каким-либо причинам оказались в состояниях, близких к смерти.

По свидетельству опрошенных, предсмертные видения стали для них единственной возможностью понять, что значит «видеть». Одна из побывавших в состоянии клинической смерти, Вики Юмипег, пережила «выход из тела» в госпитале. Вики откуда-то сверху смотрела на себя, лежащую на операционном столе, и на бригаду врачей, проводивших реанимацию. Так она впервые увидела и поняла, что такое свет.

Слепому от рождения Мартину Маршу, испытывавшему похожие предсмертные видения, запомнилось больше всего разнообразие красок в окружающем мире. Мартин убежден, что предсмертный опыт помог ему понять, каким видят мир зрячие люди.

Но вернемся к исследованию голландских ученых. Они поставили перед собой цель точно определить, когда человека посещают видения: во время клинической смерти или в период работы мозга. Ван Ламмель и его коллеги утверждают, что это им удалось сделать. Заключение ученых таково: видения наблюдаются именно в момент «отключения» центральной нервной системы. Таким образом, было показано, что сознание существует независимо от работы головного мозга.

Пожалуй, самым поразительным Ван Ломмель считает случай, который зафиксировала одна из его коллег. Пациент, находящийся в коме, был доставлен в реанимационную палату клиники. Мероприятия по оживлению были безуспешными. Мозг погиб, энцефалограмма представляла собой прямую линию. Решили применить интубацию (введение в гортань и трахею трубки для искусственной вентиляции и восстановления проходимости дыхательных путей). Во рту потерпевшего находился зубной протез. Врач вынула его и положила его на столик. Спустя полтора часа у пациента забилося сердце и нормализовалось кровяное давление. А через неделю, когда та же сотрудница разносила больным медикаменты, вернувшийся с того света заявил ей: «Вы знаете, где мой протез! Вы вынули у меня зубы и засунули их в выдвижной ящик столика на колесах!» Во время тщательного опроса оказалось, что потерпевший наблюдал себя сверху лежащим на койке. Он подробно описал палату и действия врачей в момент своей смерти. Человек очень боялся, что медики прекратят оживление, и всеми силами хотел дать понять им, что он жив...

Свою уверенность в том, что сознание может существовать отдельно от головного мозга, голландские исследователи подтверждают чистотой экспериментов. Дабы исключить возможность появления так называемых ложных воспоминаний (ситуации, когда человек, услышав от других рассказы о посмертных видениях, внезапно «вспоминает» то, чего сам никогда не испытывал), религиозного фанатизма и других подобных случаев, исследователи скрупулезно изучили все факторы, способные повлиять на отчеты пострадавших.

Все обследуемые оказались психически здоровыми. Это были мужчины и женщины от 26 до 92 лет, имеющие разный уровень образования, верящие и не верящие в Бога. Одни слышали раньше о «почти смертельном опыте», другие – нет.

Общие выводы голландцев таковы:

- посмертные видения у людей возникают в период приостановки работы головного мозга;
- их нельзя объяснить дефицитом кислорода в клетках центральной нервной системы;
- на глубину «почти смертельного опыта» большое влияние оказывает пол и возраст человека. Женщины обычно испытывают более сильные ощущения, чем мужчины;

– большинство больных, имевших наиболее глубокий опыт «смерти», погибают в течение месяца после реанимационных мероприятий;

– посмертные видения слепых от рождения не отличаются от впечатлений зрячих.

Все сказанное дает основание говорить, что в настоящее время ученые вплотную подошли к научному обоснованию бессмертия души.

А.В. Потапов, кандидат педагогических наук, ст. научный сотрудник Военно-медицинского музея Министерства Обороны РФ

Случаи из практики профессора Гнездилова

А.В. Гнездилов, профессор Научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, руководитель отделения гериатрической психиатрии, доктор медицинских наук:

– Смерть – это не конец. Это всего лишь смена состояний сознания. Я двадцать лет работаю с умирающими людьми: десять лет в онкологической клинике, затем в хосписе. И много раз имел возможность убедиться в том, что сознание после смерти не исчезает. Что разница между телом и духом очень четкая. Что существует совсем иной мир, который действует по другим законам, сверхфизическим, находящимся вне пределов нашего понимания. В нем время и пространство преодолимы. Я имею достаточно большой опыт психиатра, чтобы отвечать за свои слова и отличать галлюцинации от реальности. Расскажу вам несколько случаев из своей практики. Объяснить эти феномены как-то рационально я не могу. Наука отнюдь не исчерпывает всего знания о мире.

Вышла из себя на 5 минут и снова вернулась в тело!

– Меня попросили посмотреть молодую женщину в онкологическом институте. У нее была остановка сердца во время операции. После клинической смерти могли остаться какие-то нарушения: проблемы с памятью, например... Она поделилась со мной странными переживаниями.

Вначале, после введения наркоза, она ничего не осознавала, потом почувствовала какой-то толчок. И вдруг очутилась в операционной, полуосвещенной. Сквозь туман увидела свое тело и хирургов, которые над ним склонились. Кто-то крикнул: «У нее сердце остановилось! Немедленно заводите!» И тут она страшно испугалась, потому что поняла, что это ЕЕ тело и ЕЕ сердце! А она даже не предупредила мать и дочку о том, что у нее будет операция! Тревога о близких тут же перенесла ее домой. Дочка Маша играла с куклой. Мама вязала. Раздался стук в дверь, вошла соседка, в руках у нее было платье в горошек. Соседка сказала: «Вот это для Машеньки». Девочка бросилась навстречу. Задела стол. Упала чашка, старая. Бабушка всплеснула руками. Соседка сказала, что это к счастью. Разбитую чашку подняли. Долго искали ложку – та оказалась под ковром. Увидев эту мирную картину, женщина успокоилась, тут же перенеслась обратно в операционную. И услышала, что сердце завелось, мол, продолжаем операцию, давайте скорее, а то повторная остановка может быть!..

Естественно, я заинтересовался, поехал к ней домой, расспросил близких. Все до мельчайших подробностей сошлось: и с платьем, и с ложкой... Все совпало один к одному!

«Мне не страшно – я удивлен!»

– Однажды увидел во сне своего больного – будто он пришел ко мне после смерти. Поблагодарил меня за уход и поддержку... А потом говорит: «Как странно: этот мир так же реален, как и мой мир. Мне не страшно. Я удивлен. Я этого не ожидал». Просыпаюсь, думаю: «Нет, мы же еще вчера виделись – все было в порядке!» А когда пришел на работу, узнал, что он скончался в эту ночь. Хотя ничто не предвещало его скорого ухода.

Свои ощущения не передать!

Загробная жизнь есть!

И оттуда можно вернуться

Что нас ждет после смерти? Уникальный эксперимент проходит в Англии: врачи фиксируют свидетельства больных, переживших клиническую смерть. Наш собеседник – руководитель группы исследователей доктор Сэм Парниа. Несколько лет назад он начал уникальный эксперимент. Только что обнародованы первые результаты, которые вызвали на Альбионе бурю страстей.

– Я не удивляюсь такому шуму. Ведь моя работа произведет переворот в жизни и сознании человека, – говорит мне Сэм.

Он темноволосый, полный, вроде бы неторопливый. Но когда речь заходит о его исследованиях – вскакивает, начинает быстро ходить по небольшому кабинету, глаза загораются.

Эксперимент за порогом «черного туннеля»

– Вы, насколько я знаю, кардиолог. И к 29 годам успели сделать немало успешных операций. Почему же взялись за такой необычный эксперимент? – спрашиваю я.

– С первых дней моей медицинской карьеры я интересовался проблемой «бестелесных ощущений». К тому же некоторые мои пациенты пережили клиническую смерть. Постепенно у меня набиралось все больше рассказов тех, кто уверял, будто в состоянии комы летал над собственным телом. Однако научных подтверждений подобной информации не было. И я решил найти возможность проверить ее в условиях госпиталя.

– Вам это удалось?

– Да. Впервые в истории медицинское учреждение было специально переоборудовано. В частности, в палатах и операционных под потолком мы развесили толстые доски с цветными рисунками. А главное, стали тщательнейшим образом, вплоть до секунд, фиксировать все, что происходит с каждым пациентом с того момента, как останавливалось его сердце, прекращались пульс и дыхание. А в тех случаях, когда сердце затем удавалось запустить и пациент начинал приходить в себя, мы сразу записывали все, что он делал и говорил. Все поведение и все слова, жесты каждого больного. Теперь наши знания о «бестелесных ощущениях» значительно более систематизированные и полные, чем прежде.

За три года Сэм и его коллеги обследовали 63 человека. И что же? Вроде бы сторонники отделения души от тела могут торжествовать. Почти треть больных ясно и четко вспоминают себя в состоянии комы. В то же время ни один не видел рисунков на досках!

– К какому же заключению вы пришли? – уточняю я.

– С научной точки зрения успех немалый, – отвечает доктор. – Установлены общие ощущения у людей, которые как бы перешагнули порог «того света». Они неожиданно начинают все понимать. Полностью освобождаются от боли. Чувствуют удовольствие, комфорт, даже блаженство. Видят своих умерших родственников и друзей. Их обволакивает мягкий и очень приятный свет. Вокруг атмосфера необыкновенной доброты.

Другой мир существует

– Они считают, что побывали в другом мире?

– Да, и хотя этот мир был для них несколько мистическим, он все же был. Как правило, пациенты достигали в туннеле ворот или какого-то другого места, откуда уже нет хода назад и где нужно решать, возвращаться ли... И знаете, практически у каждого теперь совершенно иное восприятие жизни. Оно изменилось из-за того, что человек прошел момент блаженного духовного существования. Почти все мои подопечные признавались, что больше не боятся смерти, хотя и не хотят умирать. Переход в мир иной оказался необыкновенным и приятным опытом. Многие после больницы стали работать в благотворительных организациях.

– Некоторые из газет, сообщив о первых результатах вашего эксперимента, объявили, что пациенты доктора Парниа «видели загробную жизнь». Вы с этим согласны?

– Я бы не спешил с таким глобальным выводом. И вообще с выводами. 63 пациента – недостаточно для полной картины. Сейчас еще 25 британских госпиталей подключаются к нашей работе. Так что наберемся терпения.

– Сколько же времени будем ждать?

– Примерно год-полтора... Убежден, что мы на пороге совершенно поразительных открытий.

Мнение эксперта

Душа есть, причем она не умирает вместе с телом. Уверенность доктора Парниа разделяет крупнейшее медицинское светило Соединенного Королевства. Знаменитый профессор неврологии из Оксфорда, автор трудов, переведенных на многие языки, Питер Фенис отвергает мнение большинства ученых планеты. Они считают, что тело, прекращая свои функции, выпускает определенные химические вещества, которые, проходя через мозг, действительно вызывают у человека необыкновенные ощущения.

– У мозга нет времени осуществлять «процедуру закрытия», – говорит профессор Фенис. – К примеру, во время инфаркта человек порой молниеносно теряет сознание. Вместе с сознанием уходит и память. Поэтому как можно обсуждать эпизоды, которые люди не в состоянии помнить? Но поскольку они внятно рассказывают о том, что с ними случилось при отключенной мозговой деятельности, следовательно, существует душа, дух или что-то еще, позволяющее находиться в сознании вне тела. Эксперимент доктора Парниа это доказывает.

На той же чаше весов – свидетельства пациентов госпиталя в Саутхэмптоне. Кое-кто из них решился «прилюдно», через нашу газету, поделиться собственным опытом. Правда, лишь одна собеседница согласилась обнародовать свое имя.

Слово – очевидцам

Миссис К., домохозяйка из Саутхэмптона:

– Я потеряла сознание, когда покупала продукты в магазине. Уже в госпитале во время операции вдруг почувствовала, что вылетаю из тела. Я увидела себя и склонившихся надо мной врачей. Увидела и больничный коридор. Мой двоюродный брат звонил жене и говорил: «Не надо ей было столько всего закупать. Сумки оказались просто неподъемными». Когда я уже после госпиталя рассказала ему об услышанном телефонном разговоре, он побелел. Позже я узнала, что у меня был инфаркт.

Сандра Эйлинг, медсестра из Плимута:

– Я смотрела дома телевизор и вдруг почувствовала жуткую боль в груди. Я не могла дышать, и в этот же момент ощутила, что лечу в вертикальном положении на огромной скорости через туннель. Надо мной – какие-то страшные лица, просто отвратительные. В конце туннеля я вижу свет, но чем быстрее лечу, тем он дальше.

Потом я как бы оторвалась от собственного тела, поднялась к потолку – и вся боль прошла. Я не чувствовала своего веса и свободно дышала. Было ощущение необыкновенной легкости, мира и блаженства.

Вдруг я снова почувствовала мое тело, и, вероятно, в этот момент мое сердце опять заработало. Я разбудила брата. Он сказал: «Ты выглядишь как призрак». Когда мы вызвали врачей, меня срочно отвезли в больницу.

Позже мне сказали, что произошла закупорка сосудов и я была очень близка к смерти. С тех пор я много молюсь, хотя прежде никогда не была религиозной. Я уверена, что видела в этом туннеле ад, а потом, когда взлетела, – небеса.

Миссис С., служащая из Портсмута:

– Во время операции я почувствовала, как поднимаюсь над телом и смотрю на себя. А кто-то призывает меня не смотреть вниз, а лететь вверх. Думаю, этот «кто-то» был Бог, хотя я представляла Его совершенно иным. Меня со всех сторон окружал свет.

С этого момента я стала видеть мою жизнь с самого ее начала. Вскоре поняла, что, может быть, не вернусь назад. А ведь у меня 18-летняя дочь! Как я оставлю ее и мужа? Это очень трудно передать, но свет вокруг меня стал сочувствующий и было решено, что я должна вернуться. Мне сказали (не могу объяснить, кто и как), что у меня будет счастливая семья и полный любви дом. Я начала путешествие назад к моему телу. И через некоторое время увидела двух медсестер у моей кровати.

Михаил Озеров. «Комсомольская правда» от 05.04.2001

Жизнь после смерти

Введение

«Я лежал в кабинете скорой помощи (intensive care) в Сеаттлийской детской больнице, – рассказывает шестнадцатилетний мальчик Деан, у которого перестали работать почки, – как вдруг я почувствовал себя в стоячем положении,двигающимся с невероятной скоростью вдоль какого-то темного пространства. Я не видел вокруг себя стен, однако мне казалось, что это было что-то вроде туннеля. Ветра я не ощущал, однако чувствовал, что несусь с огромной скоростью. Хотя я не понимал, куда я лечу и зачем, однако чувствовал, что в конце моего стремительного полета меня ждет что-то очень важное, и мне хотелось скорее достичь цели.

Наконец я попал в место, наполненное ярким светом, и тут я заметил, что кто-то находится около меня. Это был некто высокого роста, с длинными золотистыми волосами, в белой одежде, перехваченной посередине поясом. Он ничего не говорил, однако я не чувствовал страха, потому что от него веяло большим миром и любовью. Если это не был Христос, то, наверно, был один из Его ангелов». После этого Деан почувствовал, что он вернулся в свое тело и очнулся. Эти краткие, но очень яркие и светлые впечатления оставили глубокий след в душе Деана. Он стал очень религиозным молодым человеком, что благотворно повлияло и на всю его семью».

Это один из типичных рассказов, собранных американским доктором-педиатром Мелвином Морзом (Melvin Morse) и опубликованных в книге «Closer to the Light»[7]. Впервые с подобным случаем временной смерти он столкнулся в 1982 году, когда оживил девятилетнюю Екатерину, утонувшую в спортивном бассейне. Екатерина рассказывала, как во время своей смерти она повстречалась с некой милой «дамой», назвавшей себя Елизаветой, – должно быть, ее Ангелом-Хранителем. Елизавета очень ласково встретила душу Екатерины и беседовала с ней. Зная, что Екатерина еще не готова перейти в духовный мир, Елизавета разрешила ей вернуться в свое тело. В этот период своей врачебной карьеры доктор Морз работал в больнице в городке Покатело штата Айдахо. Рассказ девочки произвел на него, дотоле скептически относившегося ко всему духовному, такое сильное впечатление, что он решил поглубже изучить вопрос о том, что происходит с человеком сразу после его смерти. В случае с Екатериной доктора Морза особенно поразило то, что она довольно подробно описала все, что происходило во время ее клинической смерти – как в больнице, так и у нее дома, – как будто она там присутствовала. Доктор Морз проверил и убедился в правильности всех внетелесных наблюдений Екатерины.

После того как его перевели в Сеаттлийский детский ортопедический госпиталь, а потом в Сеаттлийский медицинский центр, доктор Морз занялся систематическим изучением вопроса умирания. Он расспрашивал многих детей, переживших клиническую смерть, сверял и записывал их рассказы. Кроме того, он продолжал поддерживать контакт со своими молодыми пациентами по мере того, как они выросли, и наблюдал их умственное и духовное развитие. В своей книге «Ближе к свету» доктор Морз утверждает, что все известные ему дети, пережившие временную смерть, мужая, становились серьезными и верующими, морально чище обычных молодых людей. Все они воспринимали пережитое ими как милость Божию и указание свыше, что надо жить для добра.

Еще до сравнительно недавнего времени подобные рассказы о загробной жизни помещались лишь в специальной религиозной литературе. Светские журналы и научные книги, как правило, избегали подобных тем. Подавляющее большинство докторов и психиатров

отрицательно относилось ко всяким духовным явлениям и не верило в существование души. И вот каких-то двадцать лет тому назад, при самом, казалось бы, триумфе материализма, некоторые доктора и психиатры серьезно заинтересовались вопросом бытия души. Толчком к этому послужила на шумевшая книга доктора Раймонда Моуди (Raymond Moody) «Жизнь после жизни» (Life After Life)[1], вышедшая в 1975 году. В этой книге доктор Моуди собрал ряд рассказов от лиц, переживших клиническую смерть. Рассказы некоторых знакомых побудили Моуди заинтересоваться вопросом умирания, и когда он стал собирать сведения, то, к своему удивлению, обнаружил, что существует немало людей, которые во время своей клинической смерти имели внетелесные видения. Однако они не рассказывали об этом, чтобы их не осмеяли и не объявили бы сумасшедшими.

Вскоре после появления книги доктора Моуди падкая на сенсации пресса и телевидение широко раструбили собранные им данные. Начались оживленное обсуждение темы жизни после смерти и даже публичные диспуты на эту тему. Тогда ряд докторов, психиатров и духовных лиц, посчитавших себя задетыми некомпетентным вторжением в их специальность, задались целью проверить данные и выводы доктора Моуди. Велико было удивление многих из них, когда они убедились в достоверности его наблюдений, а именно – в том, что и после смерти человек не прекращает своего существования, но его душа продолжает видеть, слышать, мыслить и чувствовать.

Среди серьезных и систематических исследований вопроса умирания следует указать на книгу доктора Михаила Сабом (Michael Sabom) «Воспоминания о смерти» (Recollections of Death)[5]. Доктор Сабом является профессором медицины при университете Эмори и штатным врачом в госпитале для ветеранов в городе Атланта. В его книге можно найти подробные документальные данные и глубокий анализ этого вопроса.

Ценно также систематическое исследование психиатра Кэннета Ринга (Kenneth Ring), опубликованное в книге «Жизнь при смерти» (Life at Death)[6]. Доктор Ринг составил стандартный лист для опроса людей, переживших клиническую смерть. Имена других врачей, занимавшихся этим вопросом, приведены нами в разделе библиографии. Многие из них начинали свои наблюдения, будучи скептиками. Но, видя все новые случаи, подтверждающие существование души, меняли свое мировоззрение.

В этой брошюре мы приведем несколько рассказов людей, переживших клиническую смерть, сравним эти данные с традиционным христианским учением о жизни души в том мире и сделаем соответствующие заключения. В приложении рассмотрим теософское учение о перевоплощении.

Что душа видит в «том» мире

Смерть не такая, какой многие себе ее представляют. Всем нам в час смерти придется увидеть и пережить многое, к чему мы не подготовлены. Цель настоящей брошюры – несколько расширить и уточнить наше понимание когда-то неизбежного разлучения с бренным телом. Для многих смерть – это что-то вроде сна без сновидений. Закрыв глаза, заснул – и ничего больше нет. Тьма. Только сон утром кончится, а смерть – это навсегда. Многих больше всего страшит неизвестность: «А что со мной будет?» Вот и стараемся о смерти не думать. Но где-то в глубине всегда есть ощущение неизбежного и смутная тревога. Каждому из нас придется перейти через этот рубеж. Следовало бы подумать и подготовиться.

Могут спросить: «А о чем думать и к чему готовиться? От нас не зависит. Придет наше время – умрем, и все. А пока оно еще есть, нужно взять от жизни все, что она может дать: есть, пить, любить, добиваться власти, почета, зарабатывать деньги и т. д. Нужно не думать ни о чем трудном и неприятном и уж, конечно, не допускать мыслей о смерти». Так многие и делают.

И все-таки каждому из нас иногда приходят в голову и другие беспокойные мысли: «А что если это не так? А что если смерть – не конец и после смерти тела я неожиданно для самого себя вдруг окажусь в совершенно новых условиях, сохранив способность видеть, слышать и чувствовать?» И самое главное: «А что если наше будущее за порогом в какой-то мере зависит от того, как мы прожили нашу жизнь и какими мы были до того, как перешагнули смертный порог?»

Из сопоставления множества рассказов людей, переживших клиническую смерть, вырисовывается следующая картина того, что видит и испытывает душа, разлучаясь с телом. Когда в процессе умирания человек достигает своего предельного изнеможения, он слышит, как доктор объявляет его умершим. Потом он видит своего «двойника» – бездыханное тело – лежащим внизу, а доктора и сестер – пытающимися его оживить. Эти неожиданные картины производят у человека большой шок, потому что он впервые в своей жизни видит себя со стороны. И тут он обнаруживает, что все его обычные способности – видеть, слышать, мыслить, чувствовать и т. д. – продолжают нормально действовать, но теперь совершенно независимо от его внешней оболочки. Оказавшись парящим в воздухе несколько выше людей, находящихся в комнате, человек инстинктивно пытается дать о себе знать: что-то сказать или дотронуться до кого-нибудь. Но к своему ужасу он обнаруживает, что он отрезан от всех: ни голоса его никто не слышит, ни прикосновения его никто не замечает. При этом его удивляет необыкновенное чувство облегчения, умиротворения и даже радости.

Нет больше той части «я», которая страдала, чего-то требовала и все время на что-то жаловалась. Почувствовав такое облегчение, душа умершего обычно не хочет вернуться в свое тело. В большинстве зафиксированных случаев временной смерти душа, после нескольких мгновенных наблюдений происходящего вокруг, возвращается в свое тело, и на этом познания о том мире обрываются. Но иногда бывает, что душа движется дальше, в духовный мир. Это состояние некоторые описывают как движение в темном туннеле. После этого души одних людей попадают в мир большой красоты, где они иногда встречаются со своими родственниками, умершими раньше. Другие попадают в область света и здесь встречаются со светлым существом, от которого веет великой любовью и пониманием. Одни утверждают, что это – Господь Иисус Христос, другие – что это ангел. Но все согласны с тем, что он полон добра и сострадания. Некоторые же попадают в мрачные «преисподние» места и, вернувшись, описывают виденные ими отвратительные и жестокие существа.

Иногда встреча с таинственным светлым существом сопровождается «просмотром» жизни, когда человек начинает вспоминать свое прошлое и дает нравственную оценку своим поступкам. После этого некоторые видят нечто вроде ограды или рубежа. Они чувствуют, что, перейдя его, они не смогут вернуться в физический мир.

Не все люди, пережившие временную смерть, испытывают все перечисленные здесь фазы. Значительный процент людей, возвращенных к жизни, ничего не может вспомнить о том, что произошло с ними «там». Приведенные этапы виденного помещены здесь в порядке их относительной частоты, начиная с тех, которые чаще случаются, и кончая теми, которые случаются реже. По данным доктора Ринга, приблизительно один из семи помнящих свое пребывание вне тела испытал видение света и разговаривал со светлым существом.

Благодаря прогрессу медицины, реанимация умерших стала почти стандартной процедурой во многих современных госпиталях. Раньше она почти не применялась. Поэтому существует некоторое различие между рассказами о загробном мире в древней, более традиционной, и в современной литературе. Религиозные книги более старого времени, повествуя о явлении душ умерших, повествуют о виденном в раю или в аду и о встречах в том мире с ангелами или демонами. Эти повествования можно назвать описаниями «дальнего космоса», поскольку они содержат картины отдаленного от нас духовного мира.

Современные же рассказы, записанные врачами-реаниматорами, напротив, описывают преимущественно картины «ближнего космоса» – первые впечатления души, только вышедшей из тела. Они интересны тем, что дополняют первые и дают нам возможность полнее понять, что ожидает каждого из нас.

Среднее положение занимает описание К. Иксуля, опубликованное архиепископом Никоном в «Троицких Листках» в 1916 году под названием «Невероятное для многих, но истинное происшествие», которое охватывает оба мира – ближний и дальний. В 1959 году Свято-Троицкий монастырь переиздал это описание отдельной брошюрой. Приводим его здесь в сокращенном виде. Этот рассказ охватывает элементы и более древней, и современной литературы о загробном мире.

К. Иксуль был типичным молодым интеллигентом дореволюционной России. Он был крещен в детстве и вырос в православной среде, но, как было принято тогда среди интеллигентов, равнодушно относился к религии. Иногда он заходил в храм, отмечал праздники Рождества и Пасхи, даже раз в год причащался, но многое в Православии считал устарелым суеверием, в том числе учение о загробной жизни. Он был уверен, что со смертью бытие человека кончается. Однажды он заболел воспалением легких. Болел долго и серьезно и наконец был положен в больницу. О приближающейся смерти он не думал, а надеялся скоро выздороветь и приняться за свои обычные дела. Как-то утром он вдруг почувствовал себя совсем хорошо. Кашель исчез, температура упала до нормы. Он подумал, что наконец он поправился. Но к его удивлению врачи забеспокоились, принесли кислород. А потом – озноб и полная безучастность к окружающему. Он рассказывает:

«Все мое внимание сосредоточилось на самом себе... и как бы раздвоение... появился внутренний человек – главный, у которого полное безразличие к внешнему (к телу) и к тому, что с ним происходит... Удивительно было все видеть и слышать, и в то же время чувствовать ко всему отчужденность. Вот доктор задает вопрос, а я слышу, понимаю, но не отвечаю: мне незачем говорить с ним... И вдруг меня со страшной силой потянуло вниз, в землю... Я заметался. «Агония», – сказал доктор. Я все понимал. Не испугался. Вспомнил, что читал, что смерть болезненна, но боли не чувствовал. Но мне было тяжело, томно. Меня тянуло вниз... Я чувствовал, что что-то должно отделиться... Я сделал усилие освободиться, и вдруг мне стало легко. Я почувствовал покой. Дальнейшее я помню очень ясно. Я стою в комнате, посередине нее. Справа от меня, полукругом вокруг кровати, стоят врачи и сестры. Я удивился – что они там делают, ведь я не там, а здесь. Я подошел ближе, посмотреть. На кровати лежал я. Увидев моего двойника, я не испугался, а был только удивлен: как это возможно? Я хотел потрогать самого себя – моя рука прошла насквозь, как через пустоту. Дотянуться до других я тоже не мог. Пола я не чувствовал... Я позвал доктора, но тот не реагировал. Я понял, что совершенно одинок, и меня охватила паника.

Посмотрев на свое тело, я подумал: «Не умер ли я?» Но это было трудно себе представить. Ведь я был живее, чем прежде, я все чувствовал и сознавал... Через некоторое время доктора вышли из палаты, оба фельдшера стояли и толковали о перипетиях моей болезни и смерти, а сиделка, повернувшись к иконе, перекрестилась и громко высказала мне обычное пожелание: «Ну, Царство ему Небесное, вечный покой». И едва она произнесла эти слова, как подле меня явились два Ангела. В одном из них я сразу узнал моего Ангела-Хранителя, а другой был мне неизвестен. Взяв меня под руки, Ангелы вынесли меня прямо через стену из палаты на улицу. Смеркалось уже, шел большой, тихий снежок. Я видел это, но холода или перемены температуры не чувствовал. Мы стали быстро подыматься вверх». Несколько ниже мы продолжим рассказ Иксуля.

Благодаря новым исследованиям в области реанимации и сопоставлению множества рассказов людей, переживших клиническую смерть, есть возможность составить довольно подробную картину того, что испытывает душа вскоре после своего разлучения с телом.

Конечно, каждый случай имеет свои индивидуальные особенности, которые отсутствуют у других. И этого естественно ожидать, потому что, когда душа попадает в тот мир, она – словно новорожденный младенец с не развитыми еще слухом и зрением. Поэтому первые впечатления людей, «вынырнувших» в «тот» мир, носят сугубо субъективный характер. Однако в своей совокупности они помогают нам создать довольно полную, хотя не во всем понятную нам, картину.

Приведем здесь самые характерные моменты потустороннего опыта, почерпнутые из современных книг о жизни после смерти.

1. Видение двойника. Умерев, человек не сразу отдает себе отчет в этом. И только после того как он видит своего «двойника» бездыханно лежащим внизу и убеждается, что он беспомощен дать о себе знать, он догадывается, что его душа вышла из тела. Иногда случается после внезапной аварии, когда разлучение с телом происходит мгновенно и совсем неожиданно, что душа не узнает свое тело и думает, что видит кого-то другого, похожего на него человека. Видение «двойника» и невозможность дать о себе знать производят в душе сильный шок, так что она не уверена, сон это или действительность.

2. Непрерывность сознания. Все, пережившие временную смерть, свидетельствуют о полном сохранении своего «я» и всех своих умственных, чувствительных и волевых способностей. Более того, зрение и слух даже становятся острее, мышление приобретает отчетливость и становится необыкновенно энергичным, память проясняется. Люди, давно лишившиеся каких-либо способностей вследствие какой-то болезни или возраста, вдруг чувствуют, что они снова приобрели их. Человек понимает, что он может видеть, слышать, думать и т. д., не имея телесных органов. Замечательно, например, как один слепой от рождения, выйдя из тела, видел все, что делали с его телом врачи и сестры и позже рассказал о происходившем в больнице во всех деталях. Вернувшись в тело, он оказался опять слепым. Врачам и психиатрам, отождествляющим функции мышления и чувств с химико-электрическими процессами в мозгу, надо учесть эти современные данные, собранные врачами-реаниматорами, чтобы правильно понять природу человека.

3. Облегчение. Обычно смерти предшествуют болезнь и страдания. Выйдя из тела, душа радуется, что больше ничего не болит, не давит, не душит, мысль действует ясно, чувства умиротворены. Человек начинает отождествлять себя с душой, а тело кажется чем-то второстепенным и более не нужным, равно как и все материальное. «Я выхожу, а тело – пустая оболочка», – объяснял один мужчина, переживший временную смерть. Он смотрел на операцию своего сердца, как «посторонний наблюдатель». Попытки оживить тело его нисколько не интересовали. Видимо, с прошлой земной жизнью он мысленно распрощался и был готов начать новую жизнь. Однако у него оставалась любовь к родным, желание заботиться о покидаемых детях.

При этом нужно отметить, что коренных изменений в характере личности не происходит. Личность остается той же, что и была. «Предположение, что, сбросив тело, душа сразу же все знает и понимает, – неверно. Я явился в этот новый мир таким, каким ушел из старого», – рассказывал К. Икскуль.

4. Туннель и свет. После видения своего тела и окружающей обстановки некоторые переходят в другой мир, чисто духовный. Впрочем, некоторые, минуя первую фазу или не замечая ее, попадают во вторую. Переход в духовный мир некоторые описывают как путешествие по темному пространству, напоминающему туннель, в конце которого они попадают в область неземного света. Существует картина XV века Иеронима Босха «Восхождение в Эмпириан», изображающая подобное прохождение души через туннель. Должно быть, еще тогда это было кое-кому известно.

Вот два современных описания этого состояния: «...Я слышал, как доктора объявили меня мертвым, а я в это время как бы плыл в каком-то темном пространстве. Нет слов, чтобы

описать это состояние. Вокруг было совершенно темно, и только далеко-далеко виднелся свет. Он был очень ярким, хотя сначала казался малым. Однако по мере того, как я приближался к нему, он увеличивался. Я несея к этому Свету и чувствовал, что от Него веет добром. Будучи христианином, я вспомнил слова Христа, сказавшего: «Я свет миру», и подумал: «Если это – смерть, то я знаю, Кто ждет меня там» [1, стр. 62].

«Я знал, что умираю, – рассказывал другой человек, – а ничего сделать не мог, чтобы сообщить об этом, так как меня никто не слышал... Я находился вне моего тела – это несомненно, потому что я видел свое тело там, на столе в операционной. Моя душа вышла из тела. Поэтому я чувствовал себя потерянным, но потом засиял этот особый Свет. Сперва он был несколько тусклым, а потом засветил очень ярким лучом. Я чувствовал от него тепло. Свет покрывал все, но не мешал мне видеть операционную, и докторов, и сестер, и все другое. Сперва я не понимал, что происходит, но потом голос из Света спросил меня, готов ли я умереть. Он говорил, подобно человеку, но никого не было. Спрашивал именно Свет... Теперь я понимаю, что Он знал, что я еще не готов к смерти, но как бы проверял меня. С того момента, когда Свет начал говорить, мне стало очень хорошо; я чувствовал, что я в безопасности и что Он любит меня. Любовь, шедшая от Света, была невообразимой, неопишущей» [1, стр. 63].

Все, кто видели и потом пытались описать потусторонний Свет, не могли найти подходящих слов. Свет был иным, чем тот, который мы знаем здесь. «Это был не свет, а отсутствие тьмы, полное и совершенное. Этот Свет не создавал теней, он не был виден, но он был всюду, душа пребывала в Свете» [5, стр. 66]. Большинство свидетельствуют о нем, как о нравственно-добром существе, а не как о безличной энергии. Люди религиозные принимают этот Свет за Ангела, или даже за Иисуса Христа – во всяком случае, за кого-то, несущего мир и любовь. При встрече со Светом они не слышали членораздельных слов на каком-либо языке. Свет беседовал с ними путем мысли. И тут все было так ясно, что утаить что-либо от Света было совершенно невозможно.

5. Просмотр и суд. Некоторые, пережившие состояние временной смерти, описывают стадию просмотра прожитой ими жизни. Иногда просмотр происходил во время видения неземного Света, когда человек слышал из Света вопрос: «Что ты сделал доброго?» При этом человек понимал, что вопрошающий спрашивает не для того, чтобы узнать, а для того, чтобы побудить человека вспомнить свою жизнь. И вот непосредственно после вопроса перед духовным взором человека проходит картина его земной жизни, начиная с раннего детства. Она движется перед ним в виде серии быстро сменяющихся друг друга жизненных эпизодов, в которых человек видит очень детально и отчетливо все случившееся с ним. В это время человек снова переживает и морально переоценивает все то, что он говорил и делал.

Вот один из типичных рассказов, иллюстрирующих процесс просмотра. «Когда пришел Свет, Он спросил меня: «Что ты сделала в своей жизни? Что ты можешь показать Мне?» – или что-то в этом роде. И тогда начали появляться эти картины. Они были очень ясные, трехмерные, в красках, и они двигались. Передо мной прошла вся моя жизнь... Вот я еще маленькая девочка и играю у ручья со своей сестрой... Потом события в моем доме... школа... А вот я вышла замуж... Все быстро чередовалось перед моими глазами во всех мельчайших подробностях. Я снова переживала эти события... Я видела случаи, когда я была самолюбива и жестока. Мне было стыдно за себя, и я хотела, чтобы этого никогда не случилось. Но переделать прошлое было невозможно» [1, стр. 65–68].

Из совокупности многих рассказов людей, испытавших просмотр, следует заключить, что он всегда оставлял в них глубокий и благотворный след. Действительно, во время просмотра человек вынужден переоценить свои поступки, подвести итог своему прошлому и этим как бы совершить над собой суд. В повседневной жизни люди скрывают отрицательную сторону своего характера и как бы прячутся за маской добродетели, чтобы казаться дру-

гим лучшими, чем они есть на самом деле. Большинство людей так привыкают лицемерить, что перестают видеть свое подлинное «я» – часто гордое, самолюбивое и похотливое. Но в момент смерти эта маска спадает, и человек начинает видеть себя таким, каков он в действительности. Особенно во время просмотра обнаруживается каждый его тщательно скрываемый поступок – во всей панораме, даже в красках и трехмерно, – слышится каждое сказанное слово, по-новому переживаются давно забытые события. В это время все достигнутые в жизни преимущества – социальное и экономическое положение, дипломы, титулы и т. д. – теряют свое значение. Единственное, что подлежит оценке, – это моральная сторона поступков. И тогда человек судит себя не только за сделанное, но и за то, как он своими словами и делами повлиял на других людей.

Вот как один человек описал просмотр своей жизни. «Я почувствовал себя вне моего тела и парящим над зданием, а тело мое я видел лежащим внизу. Потом со всех сторон окружил меня свет, и в нем я увидел как быдвигающееся видение, в котором показывалась вся моя жизнь. Мне стало невероятно стыдно, потому что многое из этого я раньше считал нормальным и оправдывал, а теперь я понимал, что это дурно. Все было чрезвычайно реально. Я чувствовал, что надо мной происходит суд и какой-то высший разум руководит мной и помогает мне видеть. Больше всего меня поразило, что он показывал мне не только то, что я сделал, но и то, как мои дела отразились на других людях. Тогда я понял, что ничего не стирается и не проходит бесследно, но все, даже каждая мысль, имеет последствия» [2, стр. 34–35].

Следующие два отрывка из рассказов людей, переживших временную смерть, иллюстрируют, как просмотр научил их по-новому относиться к жизни. «Я никому не рассказывал о том, что я испытал в момент моей смерти, но, когда я вернулся к жизни, меня беспокоило одно жгучее и всепоглощающее желание сделать что-то доброе для других. Мне было так стыдно за себя. Когда я вернулся, я решил, что мне необходимо измениться. Я чувствовал раскаяние, и моя прошлая жизнь меня совершенно не удовлетворяла. Я решил начать совсем другой образ жизни» [2, стр. 25–26].

Теперь представим себе закоренелого преступника, причинившего в течение своей жизни много горя другим, – обманщика, клеветника, доносчика, грабителя, убийцу, насильника, садиста. Постигает его смерть, и он видит свои злодеяния во всех их жутких подробностях. И тут его давно заснувшая совесть под воздействием Света неожиданно для него самого просыпается и начинает нещадно укорять его в сделанных им злодеяниях. Какие невыносимые муки, какое отчаяние должно охватить его, когда он уже не может ничего ни исправить, ни забыть! Это поистине будет для него началом тех внутренних мучений, от которых он никуда не сможет уйти. Сознание сделанного зла, искалеченной своей и чужой души станет для него «червем неумирающим» и «огнем неугасимым».

6. Новый мир. Некоторое различие в описаниях пережитого во время смерти объясняется тем, что тот мир совершенно не похож на наш, в котором мы родились и в котором сформировались все наши понятия. В том мире пространство, время и предметы имеют совсем иное содержание, чем те, к которым привыкли наши органы восприятия. Душа, впервые попавшая в духовный мир, испытывает нечто подобное тому, что может испытать, например, подземный червь, когда он впервые выползает на поверхность земли. Он в первый раз ощущает солнечный свет, чувствует тепло от него, видит красивый пейзаж, слышит пение птиц, обоняет благоухание цветов (если допустить, что у червя могут быть эти органы чувств). Все это столь ново и прекрасно, что не найти ему ни слов, ни примеров, чтобы рассказать об этом жителям подземного царства.

Подобным образом и люди, оказавшиеся во время своей смерти в том мире, видят там и ощущают многое из того, чего не в состоянии описать. Так, например, они перестают ощущать там привычное для нас чувство расстояния. Некоторые утверждают, что могли без

труда, одним действием своей мысли, перенестись с одного места на другое, как бы далеко оно от них ни отстояло. Так, один солдат, тяжело раненный во Вьетнаме, во время операции вышел из тела и наблюдал, как врачи пытались вернуть его к жизни. «Я был там, а доктор как бы был и в то же время как бы и не был. Я тронул его и вроде прошел просто через него, насквозь... Потом я внезапно оказался на поле боя, где меня ранили, и увидел санитаров, подбирающих раненых. Я хотел было помочь им, но вдруг оказался снова в операционной. Это будто вы по желанию материализуетесь то тут, то там – словно моргнув глазом» [5, с. 33–34]. Есть и другие подобные рассказы внезапного перемещения. Получается «чисто мыслительный и приятный процесс. Захотел – и я там». «У меня большая проблема. То, что я пытаюсь передать, я вынужден описывать в трех измерениях... Но то, что на самом деле происходило, было не в трех измерениях» [1, с. 26].

Если спросить человека, испытавшего клиническую смерть, как долго длилось это состояние, то обычно он не может ответить на этот вопрос. Люди совершенно не ощущали течения времени. «Это могло быть и несколько минут, и несколько тысяч лет, нет никакой разницы» [2, с. 101; 5, с. 15].

Другие из переживших временную смерть, очевидно, попадали в миры более отдаленные от нашего вещественного мира. Они видели природу «на той стороне» и описывали ее в терминах холмистых лугов; яркой зелени такого цвета, какого на земле не бывает; поля, залитого чудесным золотым светом. Есть описание цветов, деревьев, птиц, животных, пения, музыки, лугов и садов необычайной красоты, городов... Но они не находили нужных слов, чтобы вразумительно передать свои впечатления.

7. Облик души. Когда душа покидает свое тело, она не сразу узнает себя. Так, например, исчезает отпечаток возраста: дети видят себя взрослыми, а старики – молодыми [3, с. 75–76]. Члены тела – например, руки или ноги, – утраченные по той или иной причине, снова появляются. Слепые начинают видеть.

Один рабочий упал с рекламной доски на высоковольтные провода. В результате ожогов он потерял обе ноги и часть руки. Во время операции он испытал состояние временной смерти. Выйдя из тела, он сразу даже не узнал его: настолько оно было поврежденным. Однако он заметил что-то еще более его поразившее: его духовное тело было совершенно здорово [3, с. 86].

На полуострове Лонг-Айланд в штате Нью-Йорк жила семидесятилетняя старушка, которая в восемнадцать лет потеряла зрение. С ней случился сердечный приступ, и, попав в больницу, она пережила временную смерть. Оживленная какое-то время спустя, она рассказала, что видела во время реанимации. Она подробно описала разные аппараты, которые применяли врачи. Самым замечательным является то, что только сейчас, в больнице, она впервые видела эти аппараты, так как во время ее молодости, до слепоты, их еще не существовало. Еще она рассказала своему доктору, что она видела его в голубом костюме. Конечно, ожив, она осталась слепой, какой была и раньше [3, с. 171].

8. Встречи. Некоторые рассказывали о встречах с уже умершими родственниками или знакомыми. Эти встречи происходили иногда в земных условиях, а иногда в обстановке нездешнего мира. Так, например, одна женщина, переживавшая временную смерть, слышала доктора, сказавшего ее родным, что она умирает. Выйдя из тела и поднявшись вверх, она увидела умерших родственников и подруг. Она узнала их, а они радовались, что встретили ее. Другая женщина видела своих родственников, которые приветствовали ее и пожимали ей руки. Они были одеты в белое, радовались и выглядели счастливыми... «и вдруг повернулись ко мне спиной и стали удаляться; а моя бабушка, обернувшись через плечо, сказала мне: «Мы увидим тебя позже, не в этот раз». Она умерла в 96-тилетнем возрасте, а тут она выглядела, ну, лет на 40–45, здоровой и счастливой» [1, с. 55].

Один человек рассказывает, что когда он умирал от сердечного приступа в одном конце больницы, в то же время его родная сестра была при смерти от приступа диабета в другом конце. «Когда я вышел из тела, – рассказывает он, – я вдруг повстречался с моей сестрой. Я очень обрадовался этому, потому что очень любил ее. Разговаривая с ней, я хотел идти за ней, но она, повернувшись ко мне, повелела мне остаться там, где я нахожусь, объяснив, что мое время еще не настало. Когда я очнулся, я рассказал моему доктору, что я повстречался с моей только что скончавшейся сестрой. Доктор не поверил мне. Однако по моей настойчивой просьбе он послал проверить через медицинскую сестру и узнал, что она недавно умерла, как я ему и говорил» [3, с. 173].

Душа, перешедшая в загробный мир, если встречает там кого-либо, то преимущественно тех, кто был ей близок. Здесь что-то родственное притягивает души друг к другу. Так, например, один престарелый отец увидел в том мире своих умерших шестерых детей. «У них там нет возраста», – рассказывал он. Здесь надо пояснить, что души умерших людей не скитаются по своей воле, где им хочется.

Православная Церковь учит, что после смерти тела Господь каждой душе определяет место ее временного пребывания – или в раю, или в аду. Поэтому встречи с душами умерших родственников надо принимать не как правило, а как исключения, разрешенные Господом для пользы людей, которым предстоит еще пожить на земле. Возможно, что не столько встречи, сколько видения. Приходится признать, что здесь есть многое, не доступное нашему пониманию.

В основном рассказы людей, попавших по «ту сторону завесы», говорят об одном и том же, но детали различны. Иногда люди видят то, что ожидали увидеть. Христиане видят Ангелов, Богоматерь, Иисуса Христа, святых. Люди нерелигиозные видят какие-то храмы, фигуры в белом или юношей, а иногда ничего не видят, но чувствуют «присутствие».

9. Язык души. В духовном мире беседы происходят не на известном человеку языке и даже не на какой-либо другой членораздельной речи, а, по-видимому, посредством одной мысли. Поэтому, когда люди возвращаются к жизни, им бывает трудно передать, какими точно словами с ними беседовал Свет, Ангел или кто-либо другой, с кем они повстречались [1, с. 60]. Следовательно, если в том мире все мысли «слышны», то нам нужно научиться здесь всегда думать правильное и доброе, чтобы там не стыдиться того, что мы невольно подумали.

10. Граница. Некоторые люди, оказавшись в том мире, рассказывают о видении чего-то, напоминающего границу. Одни описывают ее как забор или решетку на границе поля, другие – как берег озера или моря, иные – как ворота, поток или облако. Разница в описаниях вытекает, опять же, из субъективного восприятия каждого. Поэтому невозможно определить точно, что представляет собой эта граница. Важно, однако, то, что все понимают ее именно как границу, переступив которую, им нет больше возврата в прежний мир. После нее начинается путешествие в вечность [1, с. 73–77; 5, с. 51].

11. Возвращение. Иногда недавно умершему дается возможность выбора: остаться «там» или вернуться к земной жизни. Голос Света может спросить, например: «Готов ли ты?» Так, солдат, тяжело раненный на поле боя, видел свое искалеченное тело и слышал голос. Он думал, что с ним говорил Иисус Христос. Ему была дана возможность вернуться в земной мир, где он будет калекой, или остаться в загробном мире. Солдат предпочел вернуться.

Многих притягивает назад желание закончить какую-то свою земную миссию. Вернувшись, они утверждали, что Бог разрешил им вернуться и жить потому, что дело их жизни не было закончено. При этом они выражали уверенность, что возвращение было результатом именно их собственного выбора. Этот выбор был удовлетворяем потому, что он вытекал из сознания долга, а не из эгоистических мотивов. Так, например, некоторые из них были

матерями, которые хотели вернуться к своим малолетним детям. Но были и такие, которых вернули вопреки их желанию остаться. Душа уже преисполнилась чувством радости, любви и мира, ей там хорошо, но ее время еще не пришло; она слышит голос, приказывающий ей вернуться. Попытки сопротивляться возвращению в тело не помогали. Какая-то сила тянула их назад.

Вот случай из рассказа одной пациентки доктора Моуди: «У меня был сердечный приступ, и я оказалась в черной пустоте. Я знала, что я покинула мое тело и умираю... Я просила Бога помочь мне, и я скоро выскользнула из тьмы и увидела впереди серый туман, а за ним людей. Их фигуры были такие, как на земле, и я видела что-то похожее на дома. Все это было залито золотистым светом, очень нежным, не таким грубым, как на земле. Я испытывала неземную радость и хотела пройти через туман, но вышел мой дядя Карл, умерший много лет тому назад. Он преградил мне дорогу и сказал: «Иди назад. Твое дело на земле еще не закончено. Сейчас же иди назад». Так, против своего желания она вернулась в тело. У нее был маленький сын, который без нее бы пропал.

Возврат в тело иногда происходит моментально, иногда совпадая с применением электрического шока или других реанимационных приемов. Все восприятия исчезают, и человек сразу чувствует себя снова в кровати. Некоторые чувствуют, что входят в тело как бы толчком. Сперва становится неуютно и холодно. Иногда перед возвращением в тело бывает короткая потеря сознания. Врачи-реаниматоры и другие наблюдатели отмечают, что в момент возвращения к жизни человек часто чихает.

12. Новое отношение к жизни. С людьми, побывавшими «там», обычно происходит большая перемена. По утверждению многих из них, вернувшись, они стараются жить лучше. Многие из них стали крепче верить в Бога, изменили свой образ жизни, стали серьезнее и глубже. Некоторые даже переменили профессию и стали работать в больницах или старческих домах, чтобы помогать тем, кто нуждается. Все рассказы людей, прошедших через временную смерть, говорят о феноменах, совершенно новых для науки, но не для христианства. Далее мы рассмотрим современные случаи видения потустороннего мира в свете православного учения.

Оценка рассказов о жизни после смерти

После ознакомления с современными книгами на тему жизни после смерти у читателя создается впечатление, что смерть совершенно нестрашна, что человека, перешедшего в «тот» мир, автоматически ожидают приятные ощущения умиротворенности, радости и пребывания во вселюбящем и всепрощающем Свете; что поэтому нет различия между праведными и грешными, верующими и неверующими. Это обстоятельство заставило некоторых христианских мыслителей насторожиться и отнестись с недоверием к такого рода литературе. Стали спрашивать: «Не являются ли эти видения света хитрым дьявольским обольщением, направленным на усыпление бдительности христиан? Живи, как хочешь, все равно попадешь в рай».

По этой причине исследователи Джон Анкенберг и Джон Уэлдон отрицательно относятся ко всей современной литературе о предсмертных состояниях (Near Death Experiences), видя в ней лишь оккультные трюки [9]. Все же внимательное рассмотрение современных рассказов людей, переживших клиническую смерть, приводит к убеждению, что большинство из них имело подлинные видения, а не дьявольские обольщения. Главная проблема состоит не в предсмертных видениях, а в их интерпретации врачами и психиатрами, далекими от христианства.

Во-первых, далеко не все временно умершие удостоиваются видеть Свет. Мы уже упоминали о тщательном исследовании доктора Ринга, из которого ясно, что сравнительно

небольшой процент временно умерших людей удостоивается видения Света. Доктор М. Роолингз (Maurice Rawlings) [4], который лично реанимировал многих умирающих, утверждает, что в процентном отношении столько же людей видят мрак и ужасы, сколько видят Свет. Это же мнение разделяет доктор Чарлс Гарфильд (Charles Garfield), ведущий исследователь в области предсмертных состояний. Он пишет: «Не каждый человек умирает приятной и спокойной смертью... Среди пациентов, опрошенных мной, почти столько же испытывали неприятное состояние (встречи с демоноподобными существами), сколько испытывали приятное. Некоторые же из них испытывали оба состояния» [10, с. 54–55].

Есть основание предполагать, что многие люди иногда сознательно, а иногда неосознанно умалчивают о своих неприятных посмертных видениях. По мнению доктора Роолингза, некоторые видения бывают настолько ужасными, что подсознание людей, увидевших их, автоматически стирает эти картины из памяти. В своей книге доктор Роолингз приводит примеры такой амнезии. Психиатры, лечащие людей, испытавших в детстве сильные душевные травмы (например, насилия или побои), знают о подобном селективном забвении. Кроме того, люди, пережившие светлые видения, будут охотнее о них рассказывать, чем люди, пережившие жуткие видения. Ведь то, что человек видит «там», должно соответствовать тому, что он заслужил своей добродетельной или грешной жизнью. Таким образом, два фактора дают перевес одностороннему репортажу: а) процесс селективной амнезии и б) нежелание разглашать о себе дурное.

Карл Озис (Karl Osis) свидетельствует, что при исследовании вопроса умирания среди индусов выяснилось, что приблизительно одна треть испытывает во время умирания страх, депрессию и большое волнение от явлений «ямдутса» (yamdoots) – индусского ангела смерти – и других потусторонних страшилищ (esr Osis, Karl and Haraldson, Erlendur, «At the Hour of Death», New York, Avon Books, 1972, с. 90). Очевидно, индусская религия со своим языческим мистицизмом может содействовать сближению человека с потусторонними темными силами, что проявляется потом в страшных предсмертных видениях.

Из святоотеческой литературы мы знаем, что дьявольские обольщения – это реальная опасность. Апостол Павел предупреждает, что «сатана принимает вид Ангела света» (2 Кор. 11, 14). В то же время дьявол не имеет власти обольщать всякого, когда он хочет и как он хочет: его действия ограничены Богом. Если человек горд и жаждет увидеть что-то сверхъестественное, чудесное, чего не удостоиваются увидеть прочие люди, то он находится в большой опасности принять беса за ангела. В духовной литературе это состояние называется «прелестью» (от слова «прельщение»). В опасности впасть в «прелесть» находятся своенравные послушники, самодовольные подвижники, самозванные пророки и целители, а также люди, занимающиеся нездоровой мистикой, как-то: трансцендентной медитацией, йогой, спиритизмом, оккультизмом и т. д. Из рассказов людей, претерпевших временную смерть, не видно, чтобы они чем-либо подобным занимались. В большинстве случаев они были обыкновенными людьми, которые в силу той или другой физической болезни умерли, но благодаря стараниям врачей и успехам современной медицины были реанимированы. Они не ожидали никаких сверхъестественных видений и то, что им дано было увидеть, очевидно, было делом милости Божией, чтобы они стали серьезнее относиться к своей жизни. Трудно согласиться с мыслью, что Господь допускал сатане обольщать этих страдальцев, неискушенных в духовной жизни. Кроме того, согласно рассказам, собранным доктором Морзом [7], этот же Свет видели многие дети, которые в силу своей чистоты и невинности находятся под покровом Всевышнего. В православных книгах о жизни после смерти есть рассказы о явлениях демонов умирающим и о прохождении душ через фазу «мытарств» (об этом мы расскажем ниже). Однако из этих же книг видно, что обычно демоны начинают страшить душу уже после того, как Ангел-Хранитель пришел к ней и начал сопровождать ее

на пути к Престолу Божию. Кроме того, в присутствии Ангела демоны вынуждены являть себя в своем настоящем, гнусном виде.

Относительно современных описаний Света остается еще непонимание, как согласовать их с традиционными христианскими рассказами. В православной литературе царство Света описывается в связи с приближением к Небу, в то время как в современной литературе люди видели Свет, еще не перешагнув через таинственную черту, отделяющую тот мир от нашего. Нам думается, что люди, пережившие временную смерть, еще не побывали в настоящем раю или в аду, а лишь созерцали и предвкушали те состояния. Когда Ангелы являлись святым, они излучали свет, на Фаворе апостолы видели духовный Свет, хотя еще физически находились в этом мире. Бог по Своей милости являет этот дивный Свет именно для поощрения праведной жизни. Соприкосновение с этим Светом неизменно вливает чувство неземного мира и радости. Дьявольский же свет, напротив, несет с собой чувство какого-то смутного беспокойства. Он внушает человеку чувство превосходства, сулит знания, но в нем нет любви, это холодный свет.

К сказанному надо добавить, что просмотр жизни, который люди испытали во время соприкосновения со Светом, когда они вынуждены были морально переоценить свои поступки, а также последовавшее исправление образа их жизни – все это побуждает думать, что их видения Света были добрыми видениями, а не обольщениями. Ведь «по плодам их узнаете их». Ведь дьявол старается отвести человека от Бога. Возможно ли, чтобы он помогал людям стать более верующими и добродетельными? Тем не менее, в более широком плане верующему человеку надо быть очень осторожным со всякими видениями и мистическими опытами. Так, в связи с появлением большого количества случаев оживания людей после их клинической смерти некоторые врачи и психиатры стали предлагать создать новую отрасль науки о душе и о жизни после смерти. Нет сомнений, что всегда возможно сравнивать, обобщать и систематизировать сведения о том, что души видели в «том» мире.

Однако надо понять: здесь роль врачей и психиатров обречена на компиляцию отдельных случаев. Поскольку мы, живые, отрезаны от непосредственного контакта с духовным миром, нет возможности планировать и контролировать посмертные состояния наподобие лабораторных экспериментов.

При этом надо помнить, что жизнь человека находится в руках Божиих. Только Он определяет как самый момент смерти, так и участь души после ее разлучения с телом. Поэтому попытки производить эксперименты в этой области входят в конфликт с волей Божией и приводят экспериментатора в контакт с потусторонними падшими духами. В результате этого собираемые ими сведения будут неверны и заключения неправильны. Иеромонах Серафим Роуз так пишет об этом: «Многие современные исследователи признают или по крайней мере с симпатией относятся к оккультному учению в области внетелесных состояний по той единственной причине, что оно основано на эксперименте, который также лежит в основе науки. Но экспериментирование в материальном мире существенно отличается от «экспериментирования» в области внетелесных состояний. В материальном мире изучаемые предметы и законы природы являются морально нейтральными и потому могут быть объективно исследуемы и проверены другими. Но в данном случае изучаемые объекты скрыты от людей, очень трудно уловимы и часто обнаруживают собственную волю с целью обмануть наблюдателя» [8, с. 127–128]. Это происходит потому, что близкая к нам сфера духовного мира наполнена сознательно злыми существами, демонами, которые являются специалистами в области обольщения. Они охотно примут участие во всяких экспериментах и дадут им соответствующее направление.

Поэтому предостережение иеромонаха Серафима надо принять очень серьезно. Так, в наше время ряд исследователей, начав с достоверных медицинских случаев клинической смерти, перешли к личным опытам внетелесных состояний. Не руководствуясь христиан-

ским учением и многовековым опытом Православной Церкви, они стали изучать состояния «астрального» тела и попали в дебри оккультизма. К сожалению, это случилось с доктором Моуди, с женщиной-психиатром Е. Kubler-Ross и некоторыми другими. Доктор Моуди, например, написавший три ценных книги с достоверными данными, потом стал экспериментировать по рецептам теософии и трансцендентальной медитации. Недавно на эту тему он издал книгу, озаглавленную «Возвращение назад» (Coming Back), в которой приводит типичные индуистские бредни о перевоплощении (см. в приложении разбор этого учения).

Рассказы самоубийц

В то время как души людей, умерших естественным путем, ощущают в том мире облегчение и даже радость, души самоубийц, напротив, испытывают там смятение и страдание. Один специалист в области самоубийства выразил этот факт следующей меткой фразой: «Если вы расстаетесь с жизнью с мятущейся душой, то и в тот мир вы перейдете с мятущейся душой». Самоубийцы накладывают на себя руки, чтобы «покончить со всем», а оказывается, что там-то все для них только начинается.

Вот несколько современных рассказов, иллюстрирующих потустороннее состояние самоубийц. Один мужчина, горячо любивший свою жену, покончил с собой, когда она умерла. Он надеялся так соединиться с ней навсегда. Однако оказалось совсем иначе. Когда врачу удалось его реанимировать, он рассказал: «Я попал совсем не туда, где находилась она... То было какое-то ужасное место... И я сразу понял, что сделал огромную ошибку» [1, с. 143].

Некоторые возвращенные к жизни самоубийцы описывали, что после смерти они попали в какую-то темницу и чувствовали, что здесь они останутся на очень долгий срок. Они сознавали, что это наказание им за нарушение установленного закона, согласно которому каждому человеку надлежит претерпеть определенную долю скорбей. Самовольно свергнув с себя возложенное на них бремя, они должны в том мире нести еще большее.

Один мужчина, переживший временную смерть, рассказывал: «Когда я попал туда, я понял, что две вещи абсолютно воспрещаются: убить себя и убить другого человека. Если бы я решил покончить с собой, это означало бы бросить в лицо Богу данный Им ныне дар. Лишить же жизни другого человека – значило бы нарушить Божий план о нем» [1, с. 144].

Общее впечатление врачей-реаниматоров таково: самоубийство очень сурово наказывается. Доктор Брус Грэйсон (Bruce Greyson), психиатр при отделе скорой помощи при Коннектикутском университете, обстоятельно изучивший этот вопрос, свидетельствует, что никто из переживших временную смерть ни за что не хочет ускорять конец своей жизни [3, с. 99]. Хотя тот мир несравненно лучше нашего, но здешняя жизнь имеет очень важное подготавливающее значение. Только Бог решает, когда человек достаточно созрел для вечности.

Сорокасемилетняя Беверли рассказывала, как она счастлива, что осталась живой. Будучи еще ребенком, она переносила много горя от своих жестоких родителей, которые ежедневно издевались над ней. Даже в зрелом возрасте она не могла без волнения рассказывать о своем детстве. Однажды в семилетнем возрасте, доведенная своими родителями до отчаяния, она бросилась головой вниз и разбила себе голову о цемент. Во время клинической смерти ее душа видела знакомых детей, окруживших ее бездыханное тело. Вдруг вокруг Беверли засиял яркий свет, из которого неизвестный голос сказал ей: «Ты сделала ошибку. Твоя жизнь не тебе принадлежит, и ты должна вернуться». На это Беверли возразила: «Но ведь никто не любит меня, и никто обо мне не хочет заботиться». – «Это правда, – ответил голос, – и в будущем никто не будет заботиться о тебе. Поэтому научись сама заботиться о себе». После этих слов Беверли увидела снег вокруг себя и сухое дерево. Но тут откуда-то повеяло теплом, снег растаял и сухие ветки дерева покрылись листьями и спелыми ябло-

ками. Подойдя к дереву, она стала срывать яблоки и с удовольствием есть их. Тут она поняла, что как в природе, так и в каждой жизни есть свои периоды зимы и лета, которые составляют единое целое в плане Творца. Когда Беверли ожила, она стала по-новому относиться к жизни. Став взрослой, она вышла замуж за хорошего человека, имела детей и была счастлива [7, с. 184].

Православное учение о жизни после смерти

Хотя ежедневный опыт говорит, что смерть – это непреложный удел каждого человека и закон природы, однако Священное Писание учит, что первоначально смерть не входила в планы Бога о человеке. Смерть есть не установленная Богом норма, а, скорее, уклонение от нее и величайшая трагедия. Книга Бытия повествует, что смерть вторглась в нашу природу вследствие нарушения первыми людьми Божией заповеди. Согласно Библии, целью пришествия в мир Сына Божия было вернуть человеку утраченную им вечную жизнь. Здесь речь не о бессмертии души, потому что она по своей природе не подлежит уничтожению, а именно о бессмертии человека в целом, состоящем из души и тела. Восстановление единства души с телом должно осуществиться для всех людей одновременно при всеобщем воскресении мертвых.

В некоторых религиях и философских системах (например, в индуизме и стоицизме) проводится мысль, что главное в человеке – это душа, а тело – лишь временная оболочка, в которой душа развивается. Когда душа достигает известного духовного уровня, тело перестает быть нужным и должно быть сброшено, как сносившаяся одежда. Освободившись от тела, душа восходит на более высокую ступень бытия. Христианская вера не разделяет такое понимание человеческой природы. Отдавая предпочтение духовному началу в человеке, она все же видит в нем принципиально двухсоставное существо, состоящее из друг друга дополняющих сторон: духовной и материальной. Существуют и простые бестелесные существа, такие как ангелы и бесы. Однако у человека другое устройство и назначение. Благодаря телу его природа не только сложнее, но и богаче. Богом определенный союз души и тела – это вечный союз.

Когда после смерти душа покидает свое тело, она попадает в чуждые для себя условия. Действительно, она не призвана существовать как призрак, и ей трудно приспособливаться к новым и неестественным для нее условиям. Вот почему для полного упразднения всех разрушительных следствий греха Богу угодно было воскресить созданных Им людей. Это произойдет при втором пришествии Спасителя, когда по Его всемогущему слову душа каждого человека вернется в свое восстановленное и обновленное тело. Надо повторить, что она войдет не в новую оболочку, а соединится именно с телом, которое принадлежало ей раньше, но которое станет обновленным и нетленным, приспособленным для новых условий бытия.

Что касается временного состояния души со времени ее разлучения с телом и до дня всеобщего воскресения, то Священное Писание учит, что душа продолжает жить, чувствовать и мыслить. «Бог не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы», – сказал Христос (Мф. 22, 32; Екк. 12, 7). Смерть, будучи временным разлучением души с телом, в Священном Писании именуется то отшествием, то разлучением, то успением (2 Пет. 1, 15; Фил. 1, 23; 2 Тим. 4, 6; Деян. 13, 36). Ясно, что слово «успение» (сон) относится не к душе, а к телу, которое после смерти как бы отдыхает от своих трудов. Душа же, разлучившись с телом, продолжает свою сознательную жизнь, как и раньше.

Справедливость этого утверждения видна из притчи Спасителя о богатом и Лазаре (Лк., гл. 16) и из чуда на Фаворе. В первом случае евангельский богач, находившийся в аду, и Авраам, находившийся в раю, обсуждали возможность послать душу Лазаря на землю к братьям богача, чтобы предостеречь их от ада. Во втором случае жившие задолго до Христа

пророки Моисей и Илия беседуют с Господом о Его предстоящих страданиях. Еще Христос сказал иудеям, что Авраам увидел Его пришествие, очевидно, из рая, и возрадовался (Ин. 8, 56). Эта фраза не имела бы смысла, если бы душа Авраама пребывала в бессознательном состоянии, как учат некоторые сектанты о жизни души после смерти. Книга Откровения в образных словах повествует о том, как души праведников на Небе реагируют на события, происходящие на земле (Апок., гл. 5–9). Все эти места Писания учат нас верить, что действительно деятельность души продолжается и после ее разлучения с телом.

При этом Писание учит, что после смерти Бог назначает душе место ее временного пребывания в соответствии с тем, что она заслужила, живя в теле: рай или же ад. Определение в то или иное место или состояние предваряется так называемым частным судом. Частный суд надо отличать от всеобщего суда, который состоится в конце мира. О частном суде Писание учит: «Легко для Господа в день смерти воздать человеку по делам его» (Сир. 11, 26). И дальше: «Человеку надлежит однажды умереть, а потом – суд» – очевидно, индивидуальный (Ев. 9, 27). Есть основание предполагать, что в начальной стадии после смерти, когда душа впервые попадает в совершенно новые для нее условия, она нуждается в помощи и руководстве своего Ангела-Хранителя. Так, например, в притче о богатом и Лазаре рассказывается, что Ангелы взяли душу Лазаря и отвели ее на Небо. Согласно учению Спасителя, Ангелы заботятся о «малых сих» – о детях (в прямом и переносном смысле).

О состоянии души до всеобщего воскресения Православная Церковь учит так: «Веруем, что души умерших блаженствуют или мучаются по делам своим. Разлучившись с телом, они тотчас переходят или к радости, или к печали и скорби. Впрочем, не чувствуют ни совершенного блаженства, ни совершенного мучения, ибо совершенное блаженство или совершенное мучение каждый получит после всеобщего воскресения, когда душа соединится с телом, в котором жила добродетельно или порочно» (Послание восточных патриархов о Православной вере, член 18).

Таким образом, Православная Церковь различает два состояния души в загробном мире: одно для праведников, другое для грешников – рай и ад. Она не признает римско-католического учения о среднем состоянии в чистилище, поскольку в Священном Писании нет никакого указания на среднее состояние. При этом Церковь учит, что мучения грешников в аду могут быть облегчены и даже могут быть сняты по молитвам за них и по добрым делам, совершаемым в их память. Отсюда обычай подавать помянники за Литургией с именами живых и умерших.

Душа на своем пути к Небу

Мы уже приводили несколько современных рассказов об этапе «просмотра», который некоторые проходят сразу после своего разлучения с телом. Очевидно, эта фаза имеет нечто общее с частным судом или с приготовлением к нему.

В житиях святых и в духовной литературе существуют рассказы о том, как после смерти человека Ангел-Хранитель сопровождает его душу к Небу для поклонения Богу. Нередко на пути к Небу бесы, увидев душу, окружают ее с целью напугать и увлечь за собой. Дело в том, что, согласно Священному Писанию, после своего изгнания с Неба взбунтовавшиеся ангелы как бы завладели пространством, если можно его так назвать, между Небом и землей. Поэтому апостол Павел именует сатану князем, господствующим в воздухе, а его бесов – поднебесными духами злобы (Еф. 6, 12; 2, 2). Эти поднебесные скитающиеся духи, видя душу, ведомую Ангелом, обступают ее и обвиняют в грехах, совершенных ею во время земной жизни. Будучи чрезвычайно наглыми, они стараются напугать душу, довести до отчаяния и завладеть ею. В это время Ангел-Хранитель ободряет душу и защищает ее. Из этого не следует думать, будто бесы имеют какое-то право в отношении души человека,

ведь они-то сами подлежат суду Божию. Поощряет их на дерзость то, что во время земной жизни душа кое в чем была послушна им. Их логика простая: «Раз ты поступала, как мы, то тебе и место с нами».

В церковной литературе эта встреча с бесами называется мытарствами (из отцов Церкви на эту тему говорят святые Ефрем Сирин, Афанасий Великий, Макарий Великий, Иоанн Златоуст и др.). Наиболее подробно развивает эту мысль святой Кирилл Александрийский в «Слове на исход души», печатаемом в Следованной Псалтири. Картинное изображение этого пути представлено в житии преподобного Василия Нового (X век), где явившаяся усопшая блаженная Феодора рассказывает, что она видела и испытала после своего разлучения с телом. Повествования о мытарствах также можно найти в книге «Вечные загробные тайны» (читая эти рассказы, надо учитывать, что в них много образного, потому что фактическая обстановка духовного мира совсем не похожа на нашу).

Подобная встреча с поднебесными духами злобы описана К. Иксулем, повествование которого мы начали несколько выше. Вот что произошло после того, как два Ангела пришли за его душой. «Мы стали быстро подниматься вверх. И по мере того как мы поднимались, моему взору открывалось все большее и большее пространство, и, наконец, оно приняло такие ужасающие размеры, что меня охватил страх от сознания моего ничтожества перед этой бесконечной пустыней. В этом, конечно, сказывались некоторые особенности моего зрения. Во-первых, было темно, но я видел все ясно (следовательно, зрение мое получило способность видеть в темноте); во-вторых, я охватывал взором такое пространство, которое, несомненно, не мог бы охватить моим обыкновенным зрением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.